

Дальневосточное региональное литературное издание

Литературный меридиан

Февраль 2010 г.

№ 2 (26)



В.К. АРСЕНЬЕВ

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЁТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «МИЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК», г. АРСЕНЬЕВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Собор Св. Петра. Ватикан. Фото Ольги Тыцких, г. Владивосток



СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Владимир КОСТЫЛЕВ. (Слово редактора)	2
Галина АХМЕТГАЛЕЕВА. (Проза)	3
Геннадий БОГДАНОВ. (Литературный путеводитель)	4
Юрий КАБАНКОВ. (Истоки)	6
Ирина БАНКРАШКОВА. Александр Володин. (Маэстро)	8
Николай БЕРЕЗОВСКИЙ. (По страницам литературных изданий)	10
Геннадий ЛЫСЕНКО. (Поэзия)	12
Вячеслав ПРОТАСОВ. (Поэзия)	14
Алексей ВОСКОБОЙНИК. (Поэзия)	15
Валерий КУЛЕШОВ. (Поэзия)	16
Анна БОНДАРЕВА. (Поэзия)	17
Николай ЧАЙКА. (Поэзия)	18
Валерий ТРЯПША. (Поэзия)	19
Нина ПОЛУПОЛТИННЫХ. (У подножия Парнаса)	20
Сергей ЮДИНЦЕВ. (Эхо прошлого века)	21
Георгий НАЗИМОВ (Эхо прошлого века)	23
Владимир ЛЮКОВ. (К 65-летию Великой Победы)	24
Василий САМОТОХИН. (История одного фотоснимка)	26
Александр ЕГОРОВ. (Россия. Обретение пути)	28
Письмо в редакцию	31
К слову о меценатах	32
Юлия ПОДГОРБУНСКАЯ. (Конкурс)	32

Дорожкой длинною...

...В канун Рождества возвращался я из Хабаровска в Арсеньев. А ведь это путешествие – более 600 километров пути, около 13 часов в кресле рейсового автобуса! Великолепная возможность понаблюдать зимние пейзажи и поразмышлять о большом и вечном, о бренном и тленном.

Понаблюдал, подумал.

Дорога, дорога...

В двух с половиной часах езды от дальневосточной столицы расположился город Вяземский. Уютный небольшой городок. И вот, свернув с трассы, автобус осторожно крадёт по скользкому полотну вяземской улицы (а как же иначе в России? – «зима приходит внезапно», снегоуборочная техника в перманентном ремонте). Вдоль обочины – пушистые ели, укутанные в снежные полушубки, на тротуарах – бредущие по своим делам горожане. Уравновешенность и размеренность жизни провинциального оазиса. Однако умиротворённость картинки исчезла в тот миг, когда автобус поравнялся с воротами одного из местных предприятий. Читаю вывеску: «Вяземское ДТП». Очевидно, что дорожно-транспортное *предприятие*, но ведь первая ассоциация – дорожно-транспортное *происшествие*! И словно подтверждая каламбур, – за коричневой от застарелой ржавчины панцирной сеткой ограждения виднеется несколько полусгнивших остовов отечественных «ЛиАЗов». На огромной территории – сугробы по колено, из снега – пучками – сухая полынь. Впору предаться унынию...

Попутчица слева читает «Экспресс-газету», и ей нет дела до происходящего за окном. Легче – не замечать, не переживать. Неужели «желтая» пресса – предел душевных запросов наших граждан? На миг сжимается сердце.

...У деревни Котиково автобус останавливают сотрудники ДПС. Пассажиры переглядываются. Но, видимо, ничего экстраординарного не случилось, вскоре автобус продолжает своё движение по усыпанной пескосмесью дороге.

Последующие километры пути мелькают один за другим – одинаковые, будто братья-близнецы. Километрах в 150 от Хабаровска проезжаем мостик через реку Роскошь(!). Бикин завален снегом. Гигантские трубы лучегорской ТЭЦ едва видны в серой дымке низкого неба. И так далее – до самого вечера, до темноты...

И только завидев арсеньевские огни, вспомнил я – день то был пасмурный, и лишь в Вяземском да в двух-трёх придорожных деревушках выглядывало ослепительное январское солнце. Символично?

Невозможно не сказать ещё об одном. Вдоль трассы М 60 (Владивосток–Хабаровск) время от времени попадаются православные кресты (пару лет назад их было значительно меньше). Выходит, не только материальными заботами жив россиянин? Выходит, озябшие от безверия наши души ищут путь к Истине? Спаси, Господи!

Владимир Костылев



Мой друг Джульбарс

Галина АХМЕТГАЛЕЕВА,
г. Иркутск

рассказ

На троллейбусной остановке бродили дружной группкой три собаки. Поскольку они обнюхивали сумки, я решила, что собаки голодные; купила в киоске батон, поманила их за павильон и, разломив хлеб, положила перед собаками. Они к хлебу не притронулись. И я вспомнила другое, из 1949 года.

Летом того года мы с бабушкой приехали к нашей родственнице – Дарье Ложкиной в Манзурку. После первых объятий и радостных восклицаний нас повели в избу. Тётя Даша спустилась в подполье; бабушка пошла ей помогать, а нас с Лизой, дочь тётки Даши, отправила за водой.

По заилённым камешкам на тёплом мелководье мы дошли до моста, где была глубина, и с широкого камня зачерпнули воды; потом Лиза вскарабкалась на косогор и скоро спустилась ко мне, еле удерживая подол, полный шампиньонов.

Когда мы вернулись, в дальнем углу участка уже топились банька, затянув сизым дымком участок и огород. В избе на вышитой скатерти сиял медью большой самовар, а вокруг миски с дымящейся картошкой красовались огурцы, солёные грузди, ломтики желтоватого сала, творог, увенчанный маковой густых сливок; в ковшике остывал рябой кисель с сушёной пёстрой ягодой.

Наше питание в посёлке было куда скуднее; у нас не было коровы и огорода, да и лес-кормилец находился далеко. Но мы были равны в том, что и у нас, и в деревне хлеба не хватало. Хроническое недоедание хлеба продолжалось около десяти лет; и в послевоенные годы желанной мечтой было наесться его досыта. Что же такое есть в тебе, батюшка-хлеб, если никакие продукты не в состоянии тебя заменить? Никогда не забуду, как на большой перемене мы окружали парту около учительского стола и, затаив дыхание, смотрели, как две подружки разворачивали свёртки, доставали ломти белого хлеба с маслом, посыпанные сахаром, и не торопясь ели...

Хлеб выпекался все вкуснее, в него уже не попадала картошка и мякина, и, тем не менее, это был всё ещё скудный паёк...

«Мы любим дом, где любят нас,

Где длинный чай, короткий фартук»,

– сказал Иосиф Уткин... Я часто вспоминаю уют ложкинского дома, тепло и яркие блики русской печи, лавку-ленивку возле неё, отполированную до блеска за многие годы; потемневшие до черноты брусковые стены, на которых размещались фронтовые фотокарточки и портреты женщин и бородатых мужчин с пририсованными белыми рубашками и городскими пиджаками. А между ними симметричными рядами в наклон – старинные цветные открытки, очень яркие, хотя и загаженные мухами и тараканами. Одна картинка помнится до сих пор: по тропинке среди оранжевых колосов идет девушка в ярком васильковом венке, в подпоясанной красным поясом белой вышитой рубашке, рядом – усатый солдат в полной амуниции. Под рисунком, согласно старой орфографии, надпись:

Средь колосьев ржи высокой

Ходит braveй с черноокой...

– Умилительно!..

Единственное, что омрачало гостевание – это Джульбарс, хозьяйская собака, большая и громкоголосая. Страху прибавляло грохотание цепи и кольца на тресе, который был протянут через весь двор. Когда случалось выходить за ворота, я шла, прижавшись спиной к стенке дома, а Джульбарс входил в ярость, прыгал и рвался с цепи в полуметре от меня.

Вскоре после приезда тётка Даша попросила меня сходить за хлебом; вырезала из хлебной карточки талоны, объяснила,

как дойти до магазина. Там мне после тщательного взвешивания выдали булку хлеба с несколькими привесками. Я прижала хлеб к груди и пошла домой. Собаки, которые лежали возле магазина, пошли за мной. Сначала они вели себя спокойно, даже немного отставали; потом стали забегать вперед, повизгивать, перебегать дорогу. Я прибавила шагу, собаки – тоже; они начали лаять, к ним подбегали новые... И вдруг одна из них, забежав спереди, бросилась на меня, пытаясь зубами схватить хлеб. Я едва устояла на ногах и побежала. Собаки остервенели: хватали меня за ноги и руки, за подол платья. Они крутились под ногами и даже ложились на землю, перегораживая дорогу; мои ноги до сих пор помнят их зубы и разгорячённые тела... Бежать было почти невозможно, я кричала и плакала, звала на помощь – деревня как вымерла.

Между тем привески уже стали добычей собак, теперь они охотились за остатками булки...

Наконец-то я добежала до своей калитки и прижалась к ней хлебом. С другой стороны на калитку, гремя цепью, бросился Джульбарс и так рыкнул, что собаки отскочили от меня. Он поднялся на задние лапы, отчего его голова показалась над калиткой и рявкнул ещё несколько раз – мои преследователи отбежали к другой стороне улицы. Я отдёрнула щеколду, перешагнула через доску и села на землю, продолжая прижимать хлеб... Огромный Джульбарс, тихонечко повизгивая, как будто извиняясь, ходил вокруг меня, заливая шершавым прохладным языком раны... и слезы.

Прибежали обе бабушки, охая и ахая, разжали мне руки, освобождая хлеб, и тётка Даша сказала моей бабушке: «Ты гльянь, девка, она собаку-то не боится!». И я только в этот момент вспомнила, что боялась Джульбарса и удивилась этому. Бабушка потянула было меня в избу, но тётка Даша её остановила: «Оставь их, девка, собака-то знат, чо делать». Мне вынесли табуретку, и Джульбарс продолжил моё «лечение».

А что же хлеб?.. Посовещавшись, спасли для еды то, что было возможно. К обеду тётка Даша выдала всем по кусочку мякиша и после раздачи погладила меня по голове.

После обеда долго рылись в сундуке – искали подходящие заплатки для моего единственного платья. Некоторые лоскуты были очень красивые, но не подходили по цвету, к большому моему огорчению...

Не случайно тётка Даша называла Джульбарса «фершал»: раны мои быстро затянулись. Мы с Лизой все же сделали попытку посетить настоящего фельдшера и сходили в медпункт. На двери висел амбарный замок. Мы побегали по широким, почти белым половицам крыльца, пока не ужалились об крапиву, которая буйно росла из щелей. Потом поиграли в прятки во дворе в зарослях высокой травы, обошли вокруг дома, пытаясь через щели между ставень заглянуть внутрь комнат, и пошли домой, чрезвычайно довольные медпунктом.

А с Джульбарсом мы подружились. Наконец-то я слезила на сеновал и на пыльный чердак, зашла в амбар и сарай, где стояли сани и телега и висела потрёпанная упряжь. Проверив новые отношения, я раскачивала телегу, отчего она жутко скрипела и стучала и вообще производила всяческий шум... Джульбарс мужественно молчал. И когда я ходила по двору, нарочно меня направляя, он покорно ходил за мной, погромыхивая цепью, или лежал в тени, изредка наклоняя голову то вправо, то влево и провожая меня взглядом больших, с золотыми искорками, светло-карих глаз.



КРОНЫ И КОРНИ

(о творчестве А. Вознесенского)

Геннадий БОГДАНОВ



Некоторые книги постигаешь годами. Десять лет я ходил вокруг пастернаковского «Доктора Живаго», примеряясь к нему то с одного, то с другого бока, как голодный волк к бурому медведю. Только изучив Евангелие и мало-мальски воцерковившись, я одолел этот шедевр мировой литературы. Рассыпалось в прах и моё представление о том, что Пастернак ошеломляющий поэт, но очень трудный и неудобочитаемый прозаик. На самом деле Б.Л. Пастернак гениален как в прозе, так и в стихотворчестве.

Есть книги, которые становятся твоими друзьями с первого прочтения. Они так же свежо и понятно читаются – как в первый раз, так и спустя несколько десятилетий. В моей личной библиотеке много прозы и поэзии Андрея Вознесенского, начиная с «Прорабов духа» и заканчивая объёмным томом стихов «Тьма».

Писать о Вознесенском нелегко хотя бы потому, что он первый на протяжении многих лет. В 1996 году газета «Нувель Обсерватор» назвала Вознесенского «самым великим поэтом современности». Метафорическое изобилие, корневая система всей предшествующей литературы, питающая творчество Вознесенского, – всё это подтверждает высокую оценку. Прозу А. Вознесенского отличает оригинальность поэтического мышления, насыщенность образов, идущая от индивидуального, порой парадоксального восприятия мира.

Небольшой томик, одетый в синий штапель с размашистой золотой надписью на обложке «Прорабы духа», украшает мою книжную полку над рабочим столом. Тогда, в середине восьмидесятых, эта книга была для меня глотком свежего воздуха в прокуренном коридоре околотельской кухни. Особенно понравилось эссе «Муки музыки», в котором шла речь о поддержке молодых талантов, о поэзии и её предназначении в литературе. Сократив «Муки музыки» до газетного варианта, я поместил эссе в нашем печатном органе литобъединения им. П. Комарова «Литературном курьере». Газета исчезла со стенда в первый же день. Пришлось дублировать номер, но и вторая газета исчезает бесследно. В конце концов, узнаю, что виновник исчезновения «Литературного

курьера» – ответственный секретарь Хабаровской писательской организации, уничтоживший номера газеты. Оказывается, не ко двору пришлась статья А. Вознесенского «Муки музыки». Моему возмущению и недоумению не было предела.

В дальневосточных административно-писательских кругах не принято было даже произносить имя Вознесенского. Нет, его не боялись, его просто тихо ненавидели. И было за что:

*Прозаический шеф журнала
начинает писать стихи,
и критические журналы
сразу потоком истекли.*

*Ты не Пушкин и вряд ли Вяземский.
Плох твой стих. Зато пост хорош.
Ты, товарищ, – духовный взяточник.
Ты борзыми статьями берёшь.*

Да что Вознесенский! О Пастернаке ничего не было слышно! Возможно, географическое положение Дальнего Востока стало причиной замалчивания талантов? Не знаю, как в Приморском СП, но в Хабаровском был только один поэт – П. Комаров, чей гипсовый бюст занимал почетное место в зале заседаний. В чести были поэты-почвенники и певцы БАМа. Безобидные детские стишки также принимали с восторгом.

Со временем мало что изменилось. Государственные и международные премии раздаются с закрытыми глазами. Интересно, читал ли губернатор книгу стихов очередного лауреата его премии? А что если сейчас повесить в местном Союзе писателей на стенд тот номер «Литературного курьера» с «Муками музыки»? Уверен – и дня не провесит. Бог им судья, нашим ответственным и заслуженным.

Странно, но, видимо, предвкушая встречу с творчеством А. Вознесенского и не прочтя ещё ни единой его строчки, я писал в начале восьмидесятых:

*В ультрамариновом болиде
С характером из ряда вон,
Хрипел немислимым верлибром
Магнитофон.*



Авангардный Саша Дудкин ликовал. Ему особенно нравился характер магнитофона – «из ряда вон». Это потом, спустя некоторое время, я прочитал у Вознесенского:

*Цвет новомировский,
С отсветом в хмарь –
Неба датированный
почтарь!*

С тех пор я перестал резать последнюю строку катрена. Глупо подражать гению.

Давно не вижу своего хорошего приятеля, соратника по перу Василия Блохина. Глубоко верующий православный телемастер читал мне однажды вечером в церковной сторожке необыкновенные духовные стихи Вознесенского. Жаль, память не совершенна, а я тогда не записал названия сборника. В тех стихах не было ереси, они поднимали ввысь. Ни в одной имеющейся у меня книге Вознесенского я не нашёл тех замечательных строк. А так хочется ещё раз прикоснуться к чуду!

Средство выражения определяет личность. Творчество Вознесенского универсально. Тематически и лексически – это широкий кругозор, глубокое знание литературы, полнота образа. А вот присутствие нецензурной брани в стихах Вознесенского коробит и смущает меня, душа моя чувствует проделки лукавого в творчестве мастера. Здесь моё отношение можно выразить строкой из его стихотворения «Стриптиз»: «Проклинаю, обожая и дивясь...»

Сейчас я понимаю, почему книга Вознесенского «Прорабы духа» приводила в гнев номенклатурных литераторов и коммунистических идеологов того времени. Вознесенский спокойно рассказывал о своём знакомстве с Пастернаком, о всех перипетиях того времени, но главное – он свободно говорил о небесах, о вероисповедании, о Боге. И это в то время, когда слова «Истина», а тем паче – «Господь» в тексте стихотворения считались чуть ли не крамолой. Никогда не забуду крика ответственного лица в мой адрес: «Не занимайтесь богоискательством!». А Вознесенский с гордостью пишет о своих православных корнях. Его прадед Андрей Полисадов был настоятелем одного из муромских монастырей:

*Где-то в России
в иных временах,
очи расширя,
юный монах
плачет и цепи нагрудные гладит...
Это мой прадед.*

Имя, которым нарекли мальчика, не было случайным. Святой Андрей считается покровителем Грузии и России. По преданию, проповедник Андрей Первозванный, сжимая в руке гвоздь от Распятия, достиг Западной Грузии, а затем дошёл до Киева и Новгорода, распространяя христианство. Не случайно синий крест Андреевского стяга осенял моря империи.

Родился Андрей Полисадов в 1814 г. Он был отменно образован: Владимирская семинария, где воспитывался Андрей Полисадов, была в 30-е годы отнюдь не бурсой, а скорее церковным лицеем. В те годы редактором владимирской газеты был Герцен. В семинарии серьёзно читались курсы философии и истории. У Брокгауза и Эфрона можно прочитать, что названный брат Полисадова Иоанн, с которым они были близки, стал известным проповедником в Исаакиевском соборе. Весь Петербург собирался на его проповеди.

В своём эссе «Андрей Полисадов» Вознесенский упоминает об иконе Иверской Божией Матери, покровительницы Муром, и приоткрывает тайну её появления в 1652 г. в России. Вот такие мощные корни у Андрея Андреевича Вознесенского.

Закончить своё небольшое повествование о Поэте современности хочу отрывком из его стихотворения «Когда написал он Вяземскому». Это самые любимые мои четыре строфы:

*Как мало меж званных избранных,
и нравственно, и душевно,
как мало меж избранных искренних,
а в искренних – предвкушенья!*

*Работающий затворником
поэт отрешен от праха,
но поэт, что работает дворником,
выше по иерархии!*

*Розу люблю иранскую,
но синенький можжевельник
мне ближе по иерархии
за то, что цветсть тяжелее.*

*А вы, кто перстами праздными
поэзии лезет в раны, –
вы прежде всего безнравственны,
поэтому и бездарны.*

Остаётся добавить, что стихотворение датировано 1977 годом, а познакомился я с творчеством Вознесенского в середине восьмидесятых. Жаль, что столько времени было прожито без «Прорабов духа» и таких замечательных стихов.



О суетном уме и немысленном сердце

Юрий КАБАНКОВ

В довольно известном рассказе Юрия Нагибина «Любимый ученик» мы, подавляя в себе здоровое недоумение, сталкиваемся со своеобразной художественной апологией Иуды. Вольно писателю «по-своему» трактовать роль Иуды в Евангельской истории, вольно ему «по-новому» взглянуть на Богочеловека, сосредоточив внимание своей художественной фантазии прежде всего на *человеческом* («слишком человеческом», *сказал бы Ницше*) в судьбе и душе Спасителя (курсив мой – Ю.К.).

Стоит, однако, обратить внимание на – если и не еретический, то – отчасти, быть может, апокрифический характер такого взгляда на роль Спасителя и – если шире – на всю Евангельскую историю. В пределе своём – это первейшая и главная ересь в христианском мире, являющая собою отрицание божественности Иисуса Христа. Так что – тот же самый ветер «кружится на ходу своём, и возвращается ветер на круги свои». Здесь – навскидку – и М.А.Булгаков со своим блаженным Иешуа, и «поздний» Л.Н.Толстой со своим противоцерковным «богословием», и собственно ересь арианства, круто замешенного на оригеновской «тварности Христа», и «новозаветный» иудаизм с его отвержением Христа как Мессии, а ежели и дальше в глубь веков – псаломное «Сказал безумец в сердце своём: нет Бога» (Пс. 52.2).

Эта интеллектуальная аберрация являет себя, по всей видимости (и прежде всего), в том, что объектом «рассуждения» берётся не Бог (Сын Бога Живого, близкодальний, к Которому можно обратиться), а **идея** Бога, то есть **моё** рассудочное представление о Нём. Отсюда все эти «интеллигентские непонятки»: вечные поиски «своего» Христа, «героические» трактовки Иуды как любимого ученика, сознательно исполняющего «чёрное дело», порученное ему Христом, или, в конце концов, – Мария Магдалина как «супруга Иисуса» и главный апостол среди «этих трусливых мужиков».

Конечно же, во времена Ю.Нагибина еще не было «изобретено» так называемое Евангелие от Иуды – это новшество XXI столетия, хотя содержание этого «новшества» имеет чуть ли не двухтысячелетнюю традицию «вольного» прочтения Евангельской истории. Ю.Нагибин мог опираться как на сию «традицию», так

и на «свое собственное» интеллектуальное представление о роли Иуды, идущее вразрез с традиционно-каноническим. Или, допустим, – на образ Иуды, запечатленный в 1907 году Леонидом Андреевым в известном рассказе «Иуда Искариот», где Иуда, среди прочего, говорит: «И что такое ложь, мой умный Фома? Разве не большей ложью была бы смерть Иисуса?». Или такая весьма показательная для Серебряного века инсинуация: «Одною рукой предавая Иисуса, другой рукой Иуда старательно искал расстроить свои собственные планы». Прямо по В.Брюсову с его тотально-либеральным плюрализмом: «Хочу, чтоб всюду плавала / Свободная ладья. / И Господа, и дьявола / Равно прославлю я». Как говорится, «прошу прощения за ваше угощение!» Своеволие под именем свободы становится кумиром, а дьявол – симпатичным Мефистофелем, или Воландом.

«...Воланд, так же, как и Карлсон, как и другие отрицательные герои из традиции романов воспитания, лишь по внешности, по ярлыку напоминают нечистую силу, а по сути это что-то совершенно другое», – говорит некто Яков Кротов, позиционирующий себя как православного священника¹. Тем более странно слышать из уст священника о том, что «...большинство людей редко соприкасаются непосредственно с сатанинской силой, иначе бы они просто плохо себя чувствовали».

Любой православный прихожанин замечательно разумеет о лукавстве дьявола и его «врождённой» способности к мимикрии. А «либеральный священник» ничтоже сумняшеся глаголет о том, что «зло непривлекательно», что «Воланд – это не зло, а проекция доброй способности человека совопрошать себя вместе с Богом», что «Воланд – это *если уж и дьявол* (курсив мой – Ю.К.), то в ветхозаветном смысле слова, где речь идет о собеседнике, о том, кто помогает Богу, как в Книге Иова, решить какую-то важную задачу». Ну и совсем уж неуместимо для христианского сознания буквальное понимание нашим священнослужителем сатаны-Люцифера как Ангела света.

У священника Якова – утешение для всякого, в том

¹ Радиостанция «Свобода», программа «Герои времени: Воланд». Автор и ведущий Пётр Вайль. 14 марта 2004 г.
http://www.smekhov.net.ua/tv_voland.php



числе и для падшего ангела: «Это действительно ангел в неангельских обстоятельствах», – говорит он о Воланде. Можно, конечно, прищурившись, согласиться с тем, что «человек (надо понимать, после грехопадения – Ю.К.) – кривая фигура, которая живет в искривленном мире». Но далее – будто кто-то нашептывает православному священнику чрез левое плечо: «...поэтому именно кривая связывает нас с небом (здесь хоть три восклицательных знака ставь! Курсив мой – Ю.К.). А когда прямая линия, – продолжает «богословствовать» иерей, – это герои средневековых житий, лубочные персонажи – мы инстинктивно чувствуем в них какую-то большую неправду. А где неправда, там как раз настоящий сатана».

Не худо бы определиться: где же всё-таки обитает сия «неправда шестипалая», в избу к которой Осип Мандельштам входил «с дымной лучиной», опасливо озираясь: «Тишь да гладь у неё, вошь да мша, – / Полуспаленка, полутюрма. / – Ничего, хороша, хороша... / Я и сам ведь такой же, кума». А вот «священнослужителю» Якову Кротову (как и его собеседнику Петру Вайлю) и в голову не могло прийти, что и он, быть может, «сам ведь такой же». Он в простоте душевной поверил Воланду, насмешливо вопрошающему Левия Матвея: «...что бы делало твоё добро, если бы не существовало зла? [...] Вот тень от моей шпаги».

Традиция выворачивания Смысла наизнанку слишком давняя. Дабы не ходить далече, – вот Мережковский в своём «Грядущем Хаме» пишет о том, что «Бакунин и Герцен [...] борются (оказывается! – Ю.К.) не с именем Божиим, а с теми богохульствами, которыми “князь мира сего”, вечный политик, старается закрыть от людей самое святое и страшное для него, дьявола, из всех имён Божиих: Свобода». Именно эта великая французская погрешка до сих пор освящает Гудзон. Напомним сказанное: кумир свободы необратимо вырождается в своеволие; перефразируя классиков, – всё дозволено, коли бес, оборотившись плюшевым мишкой, «творит добро, всему желая зла». Эпиграф к «Мастеру и Маргарите» слишком красноречив... «Имей уши слышати, да слышит» (Мф., 11.15).

Однако не стоит ли нам из века Серебряного (а уж тем более – из нашего, медного) заглянуть в век золотой, пушкинский? Или уж вовсе мы Пушкину перестали доверять, как и любым «преданьям старины глубокой»? А что? – «Дней бык пег, / медленна лет арба» – чего с нею валандаться?! – «Наш бог – бег! / Сердце – наш барабан!» – время, вперёд! Верной дорогой идёте, товарищи! Не оглядываясь по сторонам, не глядясь «во тьму веков»! Ох уж эти мне будетляне залётные со своей вечно восторженной «птицей счастья завтрашнего дня»! Не у этой ли птички «в зобу дыханье спёрло»?

Я же хочу указать на небольшое стихотворение зрелого Александра Сергеевича Пушкина (якобы «Подражание италиянскому»), в котором он намертво (как энтомолог – своих бабочек) припиливает к чёрной «доске почёта» и самого Иуду, и его немисленных адвокатов:

*Как с древа сорвался предатель ученик,
Диавол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей
добычей смрадной
И бросил труп живой в гортань
геенны голодной...*

*Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И сатана, привстав, с веселием на лике
Лобзанием своим насквозь прожег уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.*

В Деяниях апостольских (20.30) говорится: «И из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою». В Послании апостола Павла к Римлянам: «Но как они, познавши Бога, не прославили Его как Бога и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось немисленное их сердце» [в «новейшем» переводе: «Ибо, хотя и знали они Бога, но не почитали Его, как должно. Вместо этого предавались они суетным мудрствованиям, и глупые сердца их почернели от греха»] (Рим. 1. 21).

Далее: «Называя себя мудрыми, обезумели И славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, – То и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои тела; Они заменили истину Божию ложью и поклонялись и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь... И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства» (Рим. 1. 22-28).

Епископ Феофан (Затворник) говорит об этом явлении не менее веско: «Стал ощущаться интерес в неверии; развилась потребность неверия – для прикрытия интересов сердца, несогласных с верою. Тут – корень зла. Не разум – противник веры, а развратившееся сердце. Разум тут только тем виноват, что покоряется сердцу и принимается умствовать не по началам истины, а по желанию сердца. При этом сильные доводы за истину кажутся ему ничтожными, а малость какая против неё вырастает с гору; и вообще в область умственную вносится смятение, слепящее ум, – он и не видит да и не может видеть...».

И еще: «...стала душа пуста, стала облаком безводным, носимым всяким ветром учений и всякими порывами страстей». Эти трагические слова мы отнесли бы как к характеристике самого Иуды, так и тех «осуетившихся» интеллектуалов, которые, следуя пресловутому духу времени, упорно тщатся реформировать и переименовать вековые евангельские истины.

14 (1) сентября 2009,
церковное новолетие, Лето Господне –
31 (18) декабря 2009,
мирское новолетие, Новый год.



А новое так отрицает старое!

Материал подготовила **Ирина БАНКРАШКОВА**

В жизни нет ничего случайного. Необъяснимая, еле уловимая взаимосвязь событий пронизывает мир... Не так давно включила телеканал «Культура». Шла беседа с Иммануилом Виторганом. После приветствия ведущий предложил гостю почитать стихи Александра Володина. Мой слух насторожился, ожидая чего-то обнаженно-ранящего – параллельно с упоминанием имени Володина вспомнились его «Пять вечеров», «Осенний марафон»... Когда Иммануил Виторган начал читать – чувство, изнутри щемящее, струйкой тонкой потянулось вверх: причину и мастерство декламации, и, главное, проникновенный философский подстрочник произведений: «Правда почему-то потом торжествует./ Почему-то торжествует./ Почему-то потом...». Тогда же решила – найти, перечитать стихи, глубже познакомиться с биографией Володина.

Известный российский драматург и киносценарист Александр Моисеевич Володин родился **10 февраля** 1919 года, ушел из жизни 16 декабря 2001. Мать умерла рано, мальчик воспитывался у родственников. С детства писал стихи и очень любил театр, особенно пьесы А.Н. Островского. После окончания школы работал учителем. В 1939 г. поступил на театроведческий факультет ГИТИСа. В начале войны Володин солдатом ушел на фронт, в 1943 г. награжден медалью «За отвагу». В 1944 г. получил тяжелое ранение. В поздней книге «Записки нетрезвого человека» Володин рассказывает, как безобшей анестезии – по причине военной нищеты – молодая женщина-хирург удаляла осколок: «Когда мука кончилась, она сказала: "Ну вы феномен, даже не стонали!" Я кое-как пролепетал: "А я смотрел на ваши руки". У нее рукава халатика были закатаны до локтей. Ну а дальше резиновые перчатки. Но – руки ее! Прекрасные, белые руки ее!..» Осколок мины так и остался в левом легком, над сердцем, извлечь его не удалось... Удивительно, человек не держал никакой обиды на неумелого доктора: не удалила, так что с того, зато у нее такие красивые руки... Важна не улыбка, а привычка справляться с болью. Красота спасает от боли...

На основе ряда интервью и статей предлагаю нашим читателям небольшую беседу с Александром Володиным.

– «Мы вниз опускались полгода, а где же полгода, чтоб вверх? Запросы покорно понизив, согласны на осень, на снег!... На разные беды – полжизни...» А где же полжизни на смех?

– Где полжизни на смех?... Смеха, действительно, было немного, а счастье – иногда получалось. Счастье может быть только иногда, иначе оно – благополучие, а это скучно. Я никогда не писал ничего «социально», просто рассказывал о людях, которые дарят друг другу счастье. «Фабричная девчонка», «Пять вечеров» – об этом, да, в общем, и «Осенний марафон» – тоже. Неброское, негромкое, но единственно настоящее счастье. Черт с ними, с начальством, с парткоммами – люди-то могут быть счастливы сами. Только они иногда этого счастья боятся, потому что перед ними было либо несчастье, либо долгое ожидание, либо и то и другое.

– Вы писали: «...Что такое счастье?/Все непросто. Ты счастлив?/Да. А если честно?/Нет». Всегда, Александр Моисеевич?

– И да, и нет. Вдруг, совсем неожиданно, насквозь тебя пронзит ощущение, что кто-то тебе дорог или что-то хорошее произошло в твоей душе или в душах близких. Счастье – это такое пронзительное мгновение. А несчастье – длительное, тупое, сродни разочарованию. И все-таки счастье ждешь, оно еще более ясное после несчастья. Это солнце после грозы. У меня когда-то написалось: «Длинная, долгая смерть отнимает дни у маленькой щедрой жизни»... Жизнь – это такое воспоминание. Теперь я это особенно остро чувствую. Сейчас мне кажется, что смерть больше, чем жизнь. Это значит, что я постарел? Или поумнел? Смерть начинается тогда, когда тебя ничего не касается, когда тебе становится все равно. Все равно.

– «Это кровно меня касается, а также и всех остальных. Только все делают вид, что это их не касается, а я не хочу делать вид».

– Брось! Правда? Я забыл. А вид я никогда не умел делать, мне всегда легче оставаться искренним. Мне с самим собой так легче... Первое ощущение жгучего стыда за соучастие испытал в 40-м году, когда наши-таки вошли в Прибалтику. Я же в этом виноват, я же тогда был в армии. «Терплю, не подавая вида, за грех империи моей». Этот стыд за грех, вернее, грехи «империи моей», меня мучает всю жизнь. У него нет срока давности. Помню, когда в Чехословакию в 68-м вошли наши танки, я сидел в каком-то кафе. И вдруг понял: ну невозможно же молчать, ну невозможно же радоваться, когда там танки! Стукнул кулаком по столу, завопил: «Стукачи, записывайте! Я за свободу, демократию и Чехословакию». Несколько раз прокричал. После Чехословакии я долго не мог успокоиться... И Чехия не дает мне покоя.

– «Я не буду зависеть от разгильдяев, от негодяев, от несчетных дневных забот, от нелюбящих, и не уважающих – мимо, мимо! Я от этого в стороне.» Получалось быть в стороне?

– Старался. Во всяком случае – от негодяев... В 46-м году Жданов буквально избил Зоценко хамством, враньем, партийностью. Это был, может, первый случай, когда я раз и навсегда решил: буду от негодяев в стороне.

В заключение – замечательные слова об Александре Володине его тезки Александра Соколянского: «Преклонение и жалость. Дар восхищаться красотой женского лица, неба, любимыми стихами Пастернака и песен Окуджавы – восхищаться по-пушкински, *трепеща радостно в восторгах умиления* – и постоянное, саднящее ощущение: как непрочно жизнь, как быстро кончается все, кроме грустной неразберихи. Совершенное бесстрашие и обостренное чувство стыда, собственной вины перед близкими и дальними. Все это входило в жизненную основу Александра Володина, и этим же напоены его пьесы, стихотворения: так близкие к пережитому лично, как ни у кого другого из современников. Только стыдливый человек способен раскрыть себя перед всеми до конца, до донышка; нахалам эта мучительная радость категорически недоступна».

Использованы материалы: «Александр ВОЛОДИН: "Жизнь – это такое воспоминание"», Юлия КАНТОР, Санкт-Петербург, <http://www.izvestia.ru/culture/article11609/>; «Преклонение и жалость», Александр Соколянский, <http://www.vremya.ru/print/90932.html>

– И оплодировали Зоценко.

– Дело было вот в чем. После ждановского постановления о журнале «Звезда» и «Ленинград», осуждавшего Зоценко и Ахматову, собралась весь партийно-писательский синклит. И должен был выступить Зоценко, каяться. А он не стал! Он перед этими подонками не извинялся. Гении рабству неподвластны. Заканчивая выступление, крикнул в зал: «Не надо мне вашего сочувствия, дайте мне спокойно умереть!» Этого крика, этих слов не забыть. Все жутко молчали. И тогда Израиль Меттер и я заоплодировали. В той слепой тишине.

– Чего вы больше всего не любите в людях?

– Самовлюбленности, высокомерия, самодовольства, неоправданной уверенности в себе. Не люблю людей, думающих, что они безупречны, вольных людей без совести и душевных мучений, которые готовы взять в свою власть другого человека.

– А какое чувство вы сам испытываете чаще всего?

– Вину и угрызения совести. Вот у меня есть такие строчки: «Винюных я клеймил, ликуя. Теперь другая полоса. Себя вино, себя кляню я. Одна вина сменить другую спешит, дав третьей полчаса».

– Что было трудно раньше и что трудно сейчас?

– Раньше не было внутренней духовной свободы и выражения этой внутренней свободы. Страх всеобщий. А сейчас свобода есть, но свобода говорить о том, что плохо, и о том, что будет еще хуже. Это радости не приносит.

– Что вы можете сказать о сегодняшнем времени?

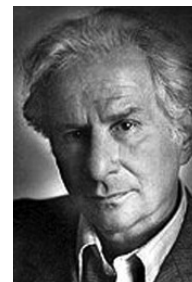
– Отношение к культуре на десятом плане. Власти не понимают, что души людей очищаются искусством. С душ людей надо начинать. Сейчас такое смутное, странное, неопределенное время. Новые русские, которые ринулись в фирмы и зарабатывают деньги с большим количеством нулей, их показывают по телевизору. И в то же время люди, которые начали читать философскую и религиозную литературу. И в то же время люди, которым на все плевать. И в то же время люди, которые нищенствуют и голодают. И так непонятно, к чему идем. Вернемся к тому, что было? Нет. Придем к уродливому капитализму? Может быть...

– Что такое «хорошо»?

– Хорошо — это когда вдруг влюбляешься в женщину. Со стороны даже. А она и не знает об этом.

– Есть женщины Тургеневские, есть женщины Чеховские, а есть – Володинские. Какие они – в жизни и в пьесах?

– Волнующие. Ведь в пьесы они приходят из жизни, у меня пьесы личные, как жизнь. Знаешь, что волнует меня в любой женщине? Я преклоняюсь перед ней, как перед чудом. В женщине есть мелодия, должна быть, иначе она – не женщина. Мне всегда кажется, что чудотворная женщина беззащитна. Вот и получается, что любовь – это жалость и преклонение. Я всегда очень сильно любил...



3. Гердту

Правда почему-то
потом торжествует.
Почему-то торжествует.
Почему-то потом.
Почему-то торжествует правда.
Правда, потом.
Но обязательно торжествует.
Людям она почему-то нужна.
Хотя бы потом.
Почему-то потом.
Но почему-то обязательно.

Укорочен лозунг французской
революции.
Равенство без свободы и братства.
За одно равенство стоило ли
драться?
Равенство напившихся в том,
что напьются?
Равенство хитрых и ушлых – ушлым?
Равенство глупых с дураками?
Равенство продавшихся –
продавшим души?
Равенство рабов в душе — с рабами?
Равенства не надо. Это лишнее.
Умные, дорожите неравенством
с глупцами.
Честные, гордитесь неравенством
с подлецами.
Сливы, цените неравенство
с вишнями!
Города должны быть не похожи,
как люди.
Люди не похожи, как города.
Свобода и братство.
Равенства не будет.
Никто. Никому. Не равен. Никогда.

Когда земля беременна враньем,
когда я вру, ты врешь,
он врет, мы врем.
Вранью не правда противостоит,
а та же ложь, переменявши вид.
Еще есть способ:
крестим правду с ложью,
отличный получается гибрид.
Тьмы низких истин нам обман дороже,
известно, правда раны бередит.
А некогда, смешно, искали правду.
Она одна; и что искать ее!
Вот перед нами сто деревьев кряду,
на всех ветвях всюю цветет вранье.
Оно всерьез исследованья жаждет.
Семь пятниц тут,
семь четвергов на дню.
Вот сто домов на улице и в каждом

по скромному квартирному вранью.
Прогресс: уже давно не крестят
кистнем
неловкую застенчивую истину.
Ложь говорят открыто, честно,
звонко,
встают, рванув рубаху на груди,
завидя дистрофичного ребенка –
увертливую правду впереди.

Недобросовестность, ты выживешь,
владея средствами простыми:
так осторожна перед высшими –
небрежна перед остальными,
так извинительно рассеянна,
ты выше всех земных сует.
Ты, бесшабашная, веселая,
как бы талант и как бы свет...
Нестойкий, ненадежный мир
невыполненных обещаний,
пивных, запущенных квартир,
потерь, обид, судов, прощаний.
Недобросовестность в молчанье
свершает беззаботный пир.

Простите, простите,
простите меня!
И я вас прощаю, и я вас прощаю.
Я зла не держу, это вам обещаю.
Но только вы тоже простите меня!
Забудьте, забудьте, забудьте меня!
И я вас забуду, и я вас забуду.
Я вам обещаю: вас помнить не буду.
Но только вы тоже забудьте меня!
Как будто мы жители разных планет.
На вашей планете я не проживаю.
Я вас уважаю, я вас уважаю,

Но я на другой проживаю. Привет!

Не верить в высшее, чем ты?
Не поклоняться ничему?
Не знать, зачем глядят кресты
на куполах в ночную тьму?

Не верить в будущий прогресс,
а вовсе, мол, прогресса нет?
А есть обвес, и есть собес,
и просто есть полет планет?

В неведомое, черт возьми,
и непосильное уму?..
Грузи свой скарб, вози, вози,
носи, носи свою суму,

скучай средь торжества торжеств,
не верь среди бесчинства тайн.
И гордо знай, что жесь есть жесь,
песок – песок, трамвай – трамвай.

Рабом кромешной суеты
из тьмы бежать в другую тьму?
Не верить в высшее, чем ты,
не поклоняться ничему?

Неверие с надеждой так едины,
то трезвое неверье верх берет,
и блик надежды угасает, стынет,
но так же бывало. В прошлый год,
и в прежний век, и в те тысячелетья
надежды все обманывали нас.
И вновь неверью нечем нам ответить,
и свет надежды все слабее светит,
слабее светит, как бы не погас...

Открыться жизни! Распахнуть наружу
окно мое. Я сон души нарушу!
Как долго заперта была в глуши.
Распахнута душа моя, дыши!
Смотри во все глаза, что происходит
в открытом мире! Появился СПИД!
Кто едет, кто дорогу переходит.
Кто в семь проснулся,
кто до часу спит!
Какие толпы населяют Землю!
Какие дети на траве растут!
Как наш народ теледебатам внимлет!
Какие компроматы реют тут!
Какие перемены происходят!
То к лучшему, то к худшему они.
Какие громы в поднебесье бродят...
Проснулась ты, душа моя?
Усни.

Недвижно пылают закаты.
Рассветы восходят сурово.
Готовы к убийствам солдаты,
и беженцы к бегству готовы.

Готовы супруги к разлуке,
готовы к беде властелины.
Тем временем полдень над лугом
склоняется, жаркий и длинный.

Готовы к обманам святоши
и к недоеданию дети.
Готовы могилы.
И все же
рассветы восходят и светят...



Геннадий ЛЫСЕНКО. “МЕЖ ЭТИМ И ТЕМ СЕНТЯБРЕМ...”

Журнал «Сибирские огни»
2009, №10.

Николай БЕРЕЗОВСКИЙ

Так называется одна из книг поэта Геннадия Лысенко, увидевшая свет спустя шесть лет после его трагического ухода из жизни.

*Меж этим и тем сентябрем,
меж тою любовью и этой,
как молнии высверк,
как гром – взаимность –
попробуй исследуй.*

*И все же представишь на миг
себя до безгрешности юным,
как будто и впрямь уж старик,
заохаешь,
брякнув по струнам:
– Каким же я был дикарем,
каким же я был
недотепой!..*

*Меж этим и тем
сентябрем
такое – хоть заново топай,*

*И память плутает в ночи:
былое –
оно не полкам;
былое – такие ручьи
солятся –
и вот она, Волга.*

*А следом приснится паром,
утюжащий мятую воду, –
меж этим и тем сентябрем
со мною так много народу...*

Увы, 17 сентября нынешнего года автора этих строк вспомнили и помянули не так уж много народу. Одних уж нет, другие, несколько перефразирую общеизвестное, далеке, третьим и при жизни Геннадий Лысенко и его творчество были костью в горле. К тому же и дата рождения поэта, вынесшего самому себе приговор, как задолго до него Сергей Есенин в “Англетере”, в помещении Приморской писательской организации в уже далеком и для нас 1978 году, не юбилейная – ровно 65 оплакал бы он в 2007-м, будь жив.

“Оплакал бы”, а не отпраздновал, или отметил, хотя бы потому, – сошлюсь на признание тридцатилетнего

Лысенко, – что ошибся, доживи он до такого возраста, в своем предвиденье:

*На небо навернутся слезы
величиною с виноград,
и август станет скрупулезно
готовить загодя обряд*

*листопадения,
а ночи
проглянут дико и светло,
как бы пугая и пророча,
что скоро кончится тепло.
Потом – снега,
потом – морозы,
но еще раньше и зазря
мне отольются чьи-то слезы
в начальных числах сентября.*

Да, он наложил на себя руки 31 августа, но похоронен, как и положено по православным обрядам, на третий день – 2 сентября, на самом заброшенном кладбище в окрестностях Владивостока. (Тогда в последний путь провожали с оркестром, но подрядить команду духовиков в какой-нибудь военно-морской части приморского гарнизона запретила местная власть, как и надгробные речи, – самоубийца, мол, и только писатель Александр Плетнев, имя которого в ту пору было у всех на слуху, пренебрег запретом. Да и настоящий друг не мог поступить иначе.) А сказал бы Геннадий Лысенко, как Николай Рубцов: “Я умру в крещенские морозы...”, – поминался бы теперь помнящими его в январе. А здесь, повторю, “мне отольются чьи – то слезы / в начальных числах сентября”, да еще зазря, – так тонко-прозрачно и щемяще-покаянно о прощании с белым светом никто из русских поэтов не писал. И таким чистейшим и непорочным, добавлю, как и вся его поэзия, языком. А ведь в образовательном багаже Лысенко только сельская неполная и тюремные – четыре срока за хулиганство, отбывая которые и окончил среднюю, – школы. И вообще его образование сравнимо с “университетами” Максима Горького, исключая бродяжничество, – рабочий в геофизической партии, газорезчик, маляр, сверловщик, котельщик-корпусник, обрубщик, матрос на сейнере, кочегар, горнорабочий, наконец – должность! – завхоз с билетом члена Союза писателей СССР в Приморской писательской организации.



За это, без малейшей иронии, спасибо тогдашнему ее руководителю писателю Льву Князеву, которого, между прочим, можно считать и крестным отцом поэта Лысенко. Прозаик Александр Плетнев, ставший вместе с Геннадием открытием Иркутского семинара молодых и начинающих литераторов в 1973 году, рассказывал:

– Лет за семь-пять до этого семинара, точно не скажу, Князев, в ту пору главный редактор краевой молодежной газеты “Тихоокеанский комсомолец”, получил саморучный пакет-письмо из мест, как говорится, не столь отдаленных. А в нем школьная тетрадка не каких-то блатных стишат – поэма “Владивосток”. Прочел, поразился – и поставил з/к на первую полосу ближайшего номера. В советский период истории России это был Поступок с большой буквы. По-доброму участвовали в судьбе Лысенко и приморские, пусть и разнополюсные, “авторитеты” в поэзии – Илья Фаликов и Юрий Кашук. И Гена, освободившись, пошел в гору, широко печатаясь не только в местной, но и во всесоюзной периодике. Правда, при жизни успел издать только два сборника стихов... А каким он был, если спросишь, как человек, прочти его “Со-весть”...

Я прочел:

*Хоть льсти, хоть плачь,
хоть сквернословь:
обласканный,
никчемный,
битый –
я чья-то первая любовь
и чья-то первая обида.
Пристрастный к Родине,
к друзьям
и в мелочах,
и в самом главном,
я весь
как маленький изъян,
на пленку снятый крупным планом.*

А буквально на днях Александр Никитич показал мне одно из писем Лысенко к нему. Приведу из него только несколько строчек и постскрипtum: «...Я принимаю антабус. Пишу рассказ. Если получится, пришлю тебе первому. 8.01.75 года. P.S. Получил журнал “Студенческий меридиан” и альманах “Поэзия”».

Антабус, знаю не понаслышке, никого от болезни, косящей в России не только поэтов, не спас, а получился ли рассказ у Геннадия Лысенко – не ведает и Плетнев, об упомянутых журнале и альманахе нынешнее поколение, рожденное в перестройку и выросшее в постсоветской России, может справиться в общественных читальнях – в них стихи Геннадия Лысенко, которые предельно точно оценил упомянутый выше Илья Фаликов:

“Почти каждое стихотворение Геннадия Лысенко по преимуществу как бы одна строфа вне зависимости от знаков препинания, пауз и количества строк. Чаще всего он предельно лаконичен. Он выговаривается на одном дыхании, сугубо монологично, словно после долгого молчания, внешне вроде бы и не видя собеседника-читателя. Тут нет ни поспешности, ни скороговорки: весь словесный строй рассчитан на пристальное, равное собственной напряженности внимание воспринимающего, на его способность вслушиваться и в целое, и в части целого – до слова, до звука”.

Пять же книг Лысенко, последняя из которых, посмертная, “Зовется любовью”, издана в Москве 10-тысячным тиражом в 1985 году, – библиографические редкости. А книги приморского поэта, без поэзии которого русскую поэзию XX века нельзя считать полной, должны бы стоять на полках книжных магазинов и библиотек в одном ряду с сочинениями Сергея Есенина, Алексея Прасолова, Николая Рубцова...

Читая Рубцова, я вспоминаю Лысенко: “...Меж этим и тем сентябрем / со мною так много народу...” - а вспомнив, вновь возвращаюсь к Рубцову: “И какое может быть крушенье, / Если столько в поезде народу?”

И пугаюсь: может быть! – но уже за Россию, если не сбудется пророчество Геннадия Лысенко, давно спевшего для нее песню, которую пора услышать:

*Отстану,
отрину,
отпряну,
от собственных рук отобьюсь
на время,
а после нагрюну,
как в Питер восставшая Русь.
Голодный,
холодный,
свободный,
поверивший в силу свою,
и песню такую спою,
которая станет народной.*



Окрестности г. Арсеньева. Фото Ивана КОНЧАТНОГО



Геннадий ЛЫСЕНКО

* * *

Такая колкая стерня,
такая грусть в глазах барана,
что даже нежность из меня
торчит сейчас,
как кость из раны.
А на Барановской моей,
через тире,
над Оренбургом
дымит с присвистом суховей,
мигая солнечным окурком.
И можно спутать впопыхах
два-три последних поколенья,
да так,
что скрипнет на зубах
седая пыль переселенья.
И память,
давшая вдруг течь,
водой студеной захлебнется
у полусгнившего колодца,
где тешит слух казачья речь.

* * *

Большой,
к болезни непригодный,
дед жизнь любил,
но чтоб при ней
была работа,
харч добротный
да тройка трепетных коней.
И лишь в конце,
в предсмертном стоне,
как бы собрав остаток сил,
проговорился о гармонии,
которой так и не купил.

* * *

Субботный вечер. Он поблажки
лишь музыкантам не дает.
На танцплощадке –
сплошь ромашки –
Взял увольнительную флот.
А мне на улице Матросской

прошепчет ранний листопад:
"Ходил и ты с такой прической,
что можно прятать медвежат;
носил и ты такие клеши,
слегка намокшие в росе..."

Мы все бывали помоложе.
Постарше будем мы не все.

* * *

На нынешний день
(и – не вдруг,
не так, как подносят на блюде)
былое отбилось от рук,
грядущее выбилось в люди.

Склоняюсь средь серого дня.
(Средь черного –
было бы странным.)

Мой катер ушел без меня,
мой город покрылся туманом.

И душу тревожат гудки
протяжные, словно разлука;
а руки и впрямь коротки,
а люди...
Все это – наука.

Все это – до белого дня,
до пытки –
ну как, мол, живете?..
Мой катер ушел без меня.
Былое с грядущим в расчете.

* * *

Сажал весной деревья
и ладил городьбу –
еще одна деревня
вошла в мою судьбу;
еще одна забота
и сладостная связь
с тем днем,
когда охота
месить ногами грязь.

А ветер все напевней
тревожил зеленыя.
Еще в одной деревне
приметили меня:
косил траву в июле,
косился на закат,
наполнен был, как улей,
предчувствием утрат.

И гуси нитью серой
прошили облака, –
попробуй не уверуй,
что сам – издалека,
что грусти –
способ древний –
не утопить в вине...

Еще в одной деревне
забудут обо мне.

* * *

Александр Плетневу

Я расположен к благодущию,
как к чаепитию,
с утра,
когда в окне японской тушью
прописан свет,
а жизнь щедра
на обещанья и посулы,
и ей не верить не могли...
Но день проходит,
и на скулы
навертывает желваки.
Ведь блажь не обернется благом,
ведь не начать всего с нуля;
я рос, как все,
под красным флагом,
и ненавида, и любя.
И вот – последние попытки
на рубеже некруглых дат:
пора подсчитывать убытки –
не в них ли главный результат,
который с нас сбивает гонор?..



Вон солнце закатилось вновь,
и побледнел закат, как донор,
отдавший безвозмездно кровь.
А в этом – блажь
и смысл, конечно.
И потому по вечерам,
приемля и хвалу и срам,
к раздумьям склонен
я неспешным.

В гордыне воспеваются
твердыни

(будь то характер
или просто дом).
Все правильно.
Но для меня отныне
есть смысл и в том,
чего мы не поймем.
Есть ценность в том,
чего мы не оценим...
Когда-нибудь –
пока еще не стар –
как букву проверяют удареньем,
так жизнь свою поставлю
под удар.

Пойду на безнадежность,
на нелепость –
и буду в том уж убедиться рад,
что уязвим,
как уязвима крепость,
построенная сотни лет назад.

* * *

Природа готовит заране:
с талантом ты явлен иль без;
листок подорожника – к ране,
к разладу душевному – лес,
в котором растение любое
имеет законченность черт...
Все это зовется любовью,
хотя и не требует жертв.

* * *

Жизнь проста, как принцип
эхолота,
Вот и дождь закончился
к тому ж.
Я опять плутаю по болоту,
помятая добрым словом сушь.
Там поляна все еще в ромашках.
Там тепло,
и все еще ничья
женщина стирает мне рубашку
у золотоносного ручья.
Даже дым стоит

вздремнувшей цаплей,
как тогда,
и вдруг уходит вверх;
как тогда,
и небо виснет каплей;
как тогда,
и дождь пойдет в четверг,
раздвигая принятые рамки,
возвышая наш восторг и страх;
и зарницы будут, как подранки,
шебаршить в ореховых кустах.

* * *

Вот по весне
земля для всех сырая,
но грязь лишь тем,
кто начинал тропу;
апрель со снегом
краски растирает,
разводит на березовом соку.
Капель упала,
словно капля пота,
и мне секрет открылся
невзначай:

ему,
загрунтованному полотну,
не увидать,
что нарисует май.
Так вот в чем жизнь.
Так вот она какая.
В ней все для всех,
но каждому свое.
Все просто,
словно небо с облаками,
похожими на свежее белье.
Еще не нарисована картина.
Еще художник в мире не рожден.

А жизнь идет.
И нет в ней середины
между последним
снегом и дождем.

* * *

Я знаю кладбище,
где буду похоронен, –
я в этом смысле
здравый оптимист,
поскольку сам себя
не проворонил
под злой скулеж
и хулиганский свист;
поскольку,
яро веруя в удачу,
смывая с сердца нарости и муть,
я столько лет
от этого не плачу,
что, в общем-то,
не грех бы и всплакнуть.

* * *

И своя душа – потемки,
а едва забрезжит свет –
начинаются поломки,
для каких починок нет.
Начинается утечка
первородного тепла...
Не звезду –
но просто свечку
мне судьба моя зажгла.
И живое трепыханье
беззащитного огня
раньше времени дыханье
перехватит у меня.



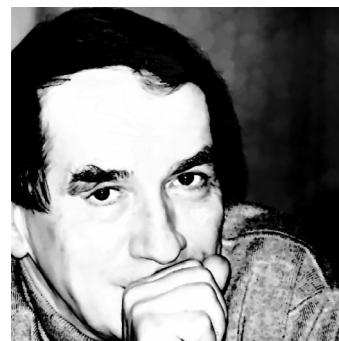
Рисунок В. Шутого



АНГЛИЧАНИН ПО ИМЕНИ ЧАРЛЬЗ

ЛИМЕРИКИ

**Вольные и невольные переводы с английского
Вячеслава Протасова**



*
Юнец своей милой в Бизерте
отправил фиалку в конверте.
А вот и ответ...
через семьдесят лет,
с припиской:
«Я Ваша – до смерти!»

*
Жил старик по фамилии Стоун.
Был он счастлив от слова
простого.
Умилялся старик,
услыхав чей-то крик:
«Как, вы живы ещё,
мистер Стоун?!»

*
Осторожный лунатик из Пизы
прогуляться решил по карнизу,
но увидев луну,
он сказал: «Ну и ну!
Не взглянуть ли мне всё-таки
снизу?!»

*
Джентльмену по имени Марк
снилось, будто он съел
свой башмак.
Марк вскочил среди ночи
и расстроился очень,
не найдя под подушкой башмак.
из Э. Лира

*
Молодой человек из Ливорно
оказался ужасно проворным.
Его вызвали в суд,
но спустя пять минут
он навеки исчез из Ливорно.

*
Молодой атеист в Таганроге
тёмной ночью шагал без дороги.
Продираясь в кустах,
он свалился в овраг
и воскликнул печально:
«О боги!»

*
Популярный актёр в Эль-Ферроле
не учил ни одной своей роли.
Ему очень везло,
потому что без слов
предлагали актёру все роли.

*
Презабавный старик из Монтрозы
мог задать сто ужасных вопросов.
Африканского льва:
«Не позавтракать ль вам?» –
он спросил
совершенно серьёзно.

*
Одинокий старик из Ботсваны
засыпал, рассердившись,
под ванной.
Если очень был зол –
на обеденный стол
спать ложился старик
из Ботсваны.

*
Первоклассник из Бри-ла-Гайарда
на урок приходил с леопардом.
Чтобы не рисковать,
ему ставили «пять»
педагоги из Бри-ла-Гайарда!

*
Знаменитый лингвист
в Семиречье
знал две тысячи двадцать
наречий,
но вчера в выходной
просидел он в пивной
и не понял ни слова за вечер!

*
Англичанин по имени Чарльз
удирал от собаки не раз.
«Эти вздорные псы
не едят колбасы!» –
сокрушался искусанный Чарльз.

*
Слесарь ЖЭУ из города Льежа
был со всеми изысканно вежлив.
С огорчённым лицом
уверял он жильцов:
«Я – один,
вас тут – тысячи в Льеже!»

*
Огорчённая леди из Ниццы
твёрдо с жизнью
решила проститься,
но прочтя мой стишок,
испекла пирожок
и, смеясь, его съела с горчицей!

*
Некрасивая леди из Фив
продавала две пригоршни слив.
А всем фруктам цена –
поцелуй допьяна!
Но никто не спешил к ней из Фив.

*
Близорукий старик из Ле-Мана
покупал на базаре лимоны.
«Вкус у этих цыплят
ей-же-ей странноват!» –
говорил он, глотая лимоны.

*
Молодой человек из Карачи
по ночам становился короче.
Уверял он весь дом,
будто дело всё в том,
что в Карачи – холодные ночи.

*
Молодой инженер из Герата
жил с семьёй на одну
лишь зарплату.
В декабре его сын
шёл по снегу босым,
шла в носках его дочь по Герату.



Мир опустевший

Алексей ВОСКОБОЙНИК,
г. Краснодар

Родился в 1958 году в городе Каменске-Уральском Свердловской области.
Стихи пишет с 1975 года. По образованию филолог. Пять лет работал в сельских школах. В шолоховских местах. На хуторе Грачевском, послужившем прототипом Гремячего Лога из «Поднятой целины». С 1985 года – в журналистике. В настоящее время – директор и журналист «Независимой спортивной газеты».

Член Союза российских писателей.

Воспоминание о будущем сне

Огни по бокам и снизу,
А сверху и сзади – темь.
Трехтонка времен ленд-лиза
Несется вперед затем,
Чтоб, если не заблудиться,
То врезаться и разбиться.

Очами рачьими фары
Горят и по тьме лучат,
Удобное для удара
Местечко найти хотят.
Но камни сбегают в кущи,
И кочки не вездесущи.

Торопятся даже горы
Уйти от путей-дорог,
А после глядят с укором
На сколок шальных тревог
И видят глаза большие,
Глубокие и чужие...

Огни по бокам и снизу,
А сверху и сзади тьма –
Трехтонка времен ленд-лиза,
Наверно, сошла с ума.

Шинель

В квартирном сонме
назойливых лиц
обознались два человека.
Они пытались говорить
на одну тему,
хотя и путались в подходах к ней.
А чтобы их никто не услышал,
открыли все двери и окна.
И все подслушивающие
тотчас ушли,
но пришел слепой.
Он всегда приходил, когда слышал,
что шаги удаляются,
а голоса остаются.
При нем собеседники
выжидательно замолчали.
И тогда слепой достал
из своей котомки

толстую книгу для слепых
и, усевшись с ней в углу комнаты,
начал вслух читать
повесть Гоголя «Шинель».
Это было так странно,
что подслушивающие вернулись.

* * *

Поэт Окуджава поет про солдата,
Что был из бумаги и сразу сгорел,
А мимо в затылок
шагают куда-то
Другие солдаты – живые ребята,
Сердца их стучат,
будто рвутся из тел.

Дрожат облака
от далекой зарницы –
Что там за гроза уготована им?
Кричит воронье,
а какая-то птица
Парит и парит, будто хочет
проститься
С еще не умершим покоем земным.

Россия, ты стала
покорной служанкой
У самых циничных твоих сыновей:
С идеей, которая всяк наизнанку,
Толкаешь зеленых
мальчишек под танки
И плачешь над гибелью
плоти своей.

Поэт Окуджава поет
про солдата...
Россия, замри и послушай Булата.

* * *

Лежал портфель,
набитый книгами,
На незаправленной постели,
Урчал голодный холодильник,
И муха дралась со стеклом,
Со шторами сквозняк заигрывал,
А те хлестали нервно стены,
Молчал облупленный будильник,
Как будто думал о своем...

Квартира выглядела брошенной
Из-за внезапного ЧЕГО-ТО,
Причем давно, а не недавно,
Но вроде бы не навсегда.
Мир опустевший и взъерошенный
Запечатлелся, как на фото,
Или задумался о главном...
А что же главное? Беда?

Все, что возможно, из тревожного
В тяжелом воздухе висело:
Остатки чьих-то разговоров
И тень обиженной души.
На все поддельное и ложное
Она, та тень, ничем глядела,
Да так, как будто бы измором
Пыталась выпросить гроши.

Лежал портфель,
набитый книгами...
Квартира выглядела брошенной...
Прикрыл глаза листочек фиговыйй...
Как стук о дерево – шаги...
В мир, ветхой пылью
припорошенный,
Вошли друзья или враги.

* * *

Я знаю лишь одно: служители огня
Воде симпатизировать не будут,
Пусть факты и давно,
фантазию пьяня,
Обыденное превращают в чудо.

Холодный водопад
на огненный фонтан
Упал, как за содеянное плата, –
И все, кто был не рад
и вместе с тем не пьян,
Ушли от злой реальности
куда-то.

Но если даже прочь –
с надеждою одной:
Когда-нибудь возмездием
вернуться,
Небеспредельна ночь –
моторчик заводной
Бездействует, но может
и проснуться.



Я оказался старше на века...

Валерий КУЛЕШОВ,
г. Владивосток



* * *

1.

Текла спокойно жизнь моя:
являлось по утрам светило,
везло со мной телегу дня,
а отработав, – уходило.
Напрасно недруги мои
мне долю горькую сулили –
как траектория Земли,
мой путь по жизни был стабилен.
Но, Боже, вдруг явилась ты,
тряхнула длинными кудрями,
сверкнула блеском черноты
в глазах раскосых под бровями,
как крылья ночи колдовской –
и произошла вселенская
ка–

таст–
ро–
фа!

2.

Звучит в полночной тишине,
в моём тревожном кратком сне
Вселенной всей неистребимей
вне расстояний и времён
слов коротких перезвон –
твоё единственное имя.

Я от него с утра ушёл:
в работу впрягся, словно вол.
Жизнь понеслась,
как кадры в фильме.

Но каждый шаг и сердца стук
на фоне дня – за звуком звук –
опять твоё слагали имя.

Дарует сказку поздний чай:
нырнув, в заливе день погас;
белеет берег в лунном гриме,
маячит тень передо мной...
Всё нереально. Лишь прибой
твоё земное шепчет имя.

Умру, но с ним не распрощусь.
Там в звездопасы попрошусь.
Господь поймёт желанье это.
Ты выйдешь вечером гулять –
и звёзды твой окликнут взгляд
по имени мерцаньем света.

В.Ш.

3.

Да, в тебя я влюблён неизбежно,
тревожно.

Принимаю удел –
безответно любить.
Но я знаю: в пустыне
хоть изредка должен
прикасаюсь губами к воде,
чтобы жить.
И гурманка-душа не мечтает
о яствах,
что дарили пиры моих сладких
побед.

Мне лишь изредка нужно сказать
тебе: «Здравствуй!» –
и потом проводить взглядом
твой силуэт.

Я уже не пытаюсь
твой образ отринуть.
Никуда не сбежать
от любви этой прочь.
Даже полдни мои затмевает
отныне
глаз бесстрастных твоих
азиатская ночь!

4.

Ты рядышком – но как ты далека!
На берег твой не существует
брода.

Пусть ты меня моложе
лишь на годы –
я оказался старше на века.
Сквозь беспощадность времени
никак
моё тепло к тебе не доберётся.
Играешь роль. Но вижу: остаётся
в твоих зрачках холодный,
зимний мрак.

И я играл не то, да и не так.
Но это уже роли не играет.
Мне душу рвёт,
но всё ж не разрывает
под солнечным сплетеньем
пустота.

И давит, ноет, мучит маета.
Лишь впереди,
за жизненной чертою,
мы – искренние, любящие – двое...
Хотя и это – только лишь мечта,
спасающая.

5.

Ушла любимая –
больней не ведал бед.
Поплачем, скрипка, вместе.
Погорюем.
Согласен, да, –
затасканный сюжет,
но жить с такой печалью
не могу я.

Скрипачка милая,
сегодня плохо мне:
впервые песня жизни не со мною.
Не оставляй меня наедине
с такой безбрежно страшной
тишиною!

Как оркестранты на похоронах
из нас по нотам выжимают слёзы,
пусть изольёт бездушная струна
своей тоски врачующую дозу.
И пусть подхватит душу звуков
смерч,
как тонущего шлюпка в океане.
Потом spoёшь про счастье,
а теперь
спаси от боли музыкой страданий.

6.

Я подарю Вам те стихи,
что диктовались мукой, болью,
той безответною любовью,
к которой были Вы глухи.
В них женский образ – божество.
В них гимн восторга и молитва,
страданий стоны и палитра
страстей любви, их торжество.
И Вы прочтёте те стихи.
Вы, незнакомая с любовью,
презрительно взмахнёте бровью
над текстом скучной чепухи.

* * *

Как пепел – небо. Серый вечер.
Льёт серый дождь на серый сад.
Один просвет на сером свете –
твой серый взгляд.



Вот бы мне акварель...

Анна БОНДАРЕВА,
г. Прага, Чехия

* * *

Из ладони твою отпускаю ладонь.
Нет, не буду лукавить,
и правда, болит...
В электричке надрывно
играет гармонь,
Понимает меня
и на пару грустит.
Кто-то бросил десятку
парнишке в пакет, –
Вот такая работа,
всё время в пути.
А кондуктор спросил
у соседа билет, –
Ни в кармане, ни в сумке его
не найти.

Пассажиру на выбор:
заплаченный штраф
Или просто сойти
на ближайший перрон.
Подъезжаем к платформе,
он, губы поджав,
Покидает пропахший дорогой
вагон.
Весь прокуренный тамбур,
у двери народ
Беспокойно толпится,
на выход пора,
С рюкзаками на дачу,
полить огород,
За грибами и песней в лесу
у костра.

Я одна у окна, и в мелькании шпал
Размывается боль дождевою
водой,
И проносится встречный –
на Рижский вокзал,
Где ладошка моя ещё пахла тобой.

* * *

Наверное, мне далеко
до принцессы,
И звёзд в рукавах я, увы, не ношу –
Лишь россыпь стихов
да отрывочки пьесы...
Ты хочешь чудес? Я о них напишу.
Представляю под утро тебя
полусонным,

Немного охрипшим,
лохмато-смешным,
И с чаем на кухне
с кружочком лимонным,
В халате и тапках,
а может, босым.

Не так далеко
(или в доме напротив?)
Я тоже проснулась –
синхронно с тобой!
И мысли о том же...
ты будешь не против?
Тогда исполняю, пока что строкой.
Представим теперь
(только рядом!) две чашки:

Твоя и моя – надо вместе
мечтать.
Но я не пойму, отчего же мурашки
Мешают мне утро с тобой
представлять?
А спой эту песню про чудо-комету,
Быть может, она пролетит
где-то вновь?

Глупыш, я не верю
в дурные приметы,
Я помню твой голос...
на слове «любовь».

* * *

Новый год, мандарины
и хвойные ветки,
Звуки вальса из комнат,
румянец девчат
И стеснительный взгляд
неумелой кокетки,
«Разрешите... на танец...
я видеть Вас рад!»

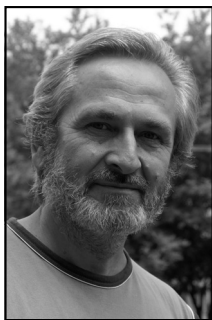
Ах, каким же ты был молодым
и галантным,
Как была я наивна
и в чём-то смешна,
В плессированной юбке,
с немислимым бантом,
Хохотала, как будто шампанским
пьяна.
И казалось, что стрелки сойдутся,
исполнив
Все заветные просьбы
влюблённых сердец...

Я смотрю, поседел... по погонам –
полковник,
А в глазах, как и прежде,
счастливый юнец.
Двадцать лет пролетело,
но чудится: слышу
Тот же голос и вальс,
лёгкий скрип половиц.
Опускается снег
на замёрзшую крышу.
«Разрешите?...» –
растерянным взмахом ресниц.

* * *

Я смотрю на тебя –
вот бы мне акварель,
Не художник, увы, даже кисть
не держал.
Не в тебе ли Мадонну узнал
Рафаэль?
Не с тебя ли ночами да Винчи
писал?
Белокурые косы и ровный пробор,
В каждой линии – свет, а в глазах –
доброта.
Как румянец ложится
на кожи фарфор!
Неужели ко мне ты спустилась
с холста?
Я поэт ведь не очень
и не музыкант,
Но желаньем творить
переполнена грудь!
Лишь любовь в человеке
раскроет талант,
Потому что она –
вдохновения суть.





В шаге ОТ ВЫСТАВКИ

Николай ЧАЙКА,
Подмосковье

Ностальгия

Сергею Зенкевичу (Нещеретову)

Флигель, сад, скворечник,
сквер, кафе шантан –
Михаил Зенкевич,
Осип Мандельштам.

Гнев и плач изгнанника,
гений губ её –
Анечка Ахматова,
Колька Гумилёв!

Подскажу на милость
аспирантке из... –
мудрость плюс наивность –
это акмеизм.

Слово будет матерным
и всегда внаём –
в королевской мантии, –
в маечке – моё!

Столп стоит, как башня,
а вокруг – толпа;
встану я подальше
от стопы столпа.

Коронуют в призраки,
призовут в шуты, –
хочется невысказанной
Слова простоты!

С булавой не спрячешься
в розовые сны, –
мне бы Слово с хрящиком,
с корочкой, мясным!

Помянут и сгинут,
назовут бомжи:
кто-то – «ностальгия»,
кто-то – «nostalgy».

Родину покинут,
обрастут лапшой,
обзовут – задвину
правый хук левшой.

И с чего смятенье,
почему слеза?
Оглянусь – Есенин,
в шушуне Рязань.

Я просеян с рожью,
я тяну баржу,
я по бездорожью
с посохом брожу.

Выпью чая с мятой,
приукрашу сны, –
младший, самый маленький –
я ведь блудный сын.

Не пеняю звёздам,
не виню судьбу, –
да и плакать поздно,
если это блуд.

В драке с пьяной рожей
ставлю блок ножу –
не всегда хороший,
Родине служу.

Говорят, беспутный,
ветреный, лихой, –
буду всем попутчик –
стану никакой.

Отгуляю, каторжный,
отмолюсь в маю,
а нальют – до капельки
выпью Русь мою.

Не спю на зореньке,
растревожив лес, –
раскляю по зёрнышку
серебро с небес.

А закат поманит
наледью дымов,
попрошусь я к маме –
и вернусь домой.

...В океане памяти
есть архипелаг –
там в одной компании
люди-острова:

острова с лампадками
и хулиганьё,
жизнью поломатое, –
это всё – моё!

Не пристанет к радуге
клятвое смольё,
к островам коралловым –
тля и вороньё.

В хороводе парами
странные слова, –
есть утёсы-парики –
тоже острова!

С рифмами-молитвами
новая земля,
может быть, за рифмами
вырастет моя.

Испеку в песочнице
пасочку-судьбу
в самом высшем обществе
птицы марабу.

Бисер

В гордости уличной
горести выросли
до богохульства...
Остановился я

в шаге от выставки
грохота мысли
до шелковистого
шёпота выстрела...

Боже, будь милостив! –
Савла на клиросе
слава – бессмысленна,
Слово – во Истину!

...Бисер – сапфирами
только называть!
Спитое впитывать –
самоубийственно.



Я вспомнил вдруг...

Валерий ТРЯПША,
г. Хабаровск

* * *

Свесив солнышко над дорогой,
Засыпает сентябрь мой.
Скоро тучи придут к порогу,
Позасыпят его листвою.

Заскрипят по снегам полозья,
Залютует огонь в печи.
И развесит зима по роцам
Снежно-белые калачи.

Позатихнут в лесу гадалки –
Две сороки на злой сосне.
Заведут свою песню прялки
О неведомой стороне.

– Спи, – мне на ухо скажут, – воля
Где-то рядом, в кольце молвы...
И приснится во сне мне поле
Нескончаемой сон-травы.

* * *

В этом озере страшно купаться,
Но ведь ловят сига и лещей!
По могилам потоки струятся
Прямо в озеро
мимо хвощей.

Чернозем обнимается с прахом,
Белый день с непроглядью ночи,
Я стою, и мне хочется плакать,
Но я душу прошу:
– Замолчи!

Подступает к озерам этажье,
И качаются солнца в стекле,
Но земля-то ведь наша, не вражья,
Оскверняем себя на земле!

На погосте кресты покосились,
Да и звезды утратили стать.
Отчего мы любить разучились,
Отчего разучились рыдать?

Почему не поставим преграду
Равнодушью и горькой воде?

Даже ворон минует ограду
И не каркает в голом гнезде.

А июнь моросит по низинам,
Пацаны собирают червей.
И жуют привозную резину,
И не верят ни в нас, ни в чертей.

* * *

Я вспомнил вдруг состав колесный,
В степи затерянный вокзал.
Там на стене старик обозный
Поляну росную писал.

А суховей вовсю дымился –
Ни говорить, ни продохнуть.
Состав на запад торопился,
К свинцу развертывая грудь.

И утомленные солдаты
От зноя и от духоты,
С подножек спрыгивая в гвалте,
Бежали к стенам, где цветы.

Хоть те не пахли и не зрели,
Но все же были под рукой.
И лица многих молодели,
Как будто поезд шел домой.

* * *

В эти весны и в эти осени,
В клики зяблика и травы
Закружили меня и бросили
Разноцветья людской молвы.

Дом бревенчатый ниже кажется,
Если окна его темны,
Если в окна ударит камешком
Отраженье ночной луны.

Вспыхни, свет мой, откройся,
горница,
Вы не верьте, что я пропал.
И над нами лучами склонится
Солнце, сбитое за увал.

Наброшаю в печурку чурочек,
Затоплю, и сосновый дым
Поведе вдоль веселых улочек,
Где я хаживал молодым.

* * *

В купе раскрытое окошко,
Вагоны, как змеиный хвост.
И, словно белое лукошко,
Поляна смотрит из берез.

Там, как отпиленные будни,
Остались лиственные пни.
Они напомнили как будто
И мне мои былые дни.

Где, как в подземном перегоне,
Все заслонить пыталась тьма.
И на раскрытые ладони
Ложилась холодом зима.

Но перегон пронзит и канет –
Надолго света не отнять.
И поезд, как зеленый камень,
Под солнце выскользнет опять.

Туда, где волнами бугрится
Река под глыбою моста...
И до рассвета не забыться
Уждущего строки листа.





Нина ПОЛУПОЛТИННЫХ,
г. Артём

ВАЗА В ПОДАРОК

Две девочки говорят о своих учителях.

– Мы подарили своей микроволновую печь и чашки к ней. А вы?

– Цветы.

– И всё?

– И всё.

Я вспомнила историю с вазой, которую мы, родители выпускников начальной школы, преподнесли своей первой учительнице.

Требовательная учительница была примером для других учителей: в её классе никогда не было двоечников, а процент отличников и хорошистов был самый высокий по школе. Это потом выяснилось, что за год до набора в первый класс она, организовав работу по преемственности детского сада и школы, брала на заметку только способных и неконфликтных детей, подговаривая родителей записываться при поступлении в школу только в её класс. Этот порядок существовал до тех пор, пока её не раскусили, и ей пришлось покинуть стены школы с большим скандалом.

Мы пришли на классный час вместе с детьми, нарядные и весёлые. Дети торжественно читали выученные заранее стихи о своей дорогой учительнице, а подготовленная родительница после всех хороших слов преподнесла ей под аплодисменты собравшихся красивую кобальтовую вазу с золотой дарственной надписью на боку. Тогда, в 80-х годах XX века, было очень сложно что-либо купить и весь дефицит доставали в прямом смысле «через заднее кирильцо», как говорил Аркадий Райкин. Только что появилась кобальтовая (синяя с золотом) посуда, по тем временам дорогая и дефицитная, но мы через знакомых с большим трудом заказали вазу прямо на заводе.

Учительница почему-то не удивилась и не обрадовалась, и даже не взяла из рук вазу, сказав сухо:

– Спасибо. Поставьте сюда. Не возьму я вашу вазу. Пусть она в классе живёт.

Первая неловкость возникла от сознания того, что учительница оказалась принципиальной, а подарки учителям были под запретом, и мы, сгрудившись возле учительского стола, наперебой стали уговаривать её принять подарок. Дети, почувствовав свободу, с шумом и гамом ринулись в коридор, поэтому не все услышали, как, отвернувшись к окну, учительница процедила сквозь зубы:

– А соседний класс догадался кобальтовый чайник подарить.

Не все поняли её слова.

– Ну, извините, что смогли! – сказала одна из родительниц, увлекая нас в коридор.

Что за чайник? Мы понятия не имели, что на свете ещё и кобальтовые чайники стали делать.

Очевидно, это было последнее достижение нашего фарфорового завода. Соседний класс нас перещегоолял! Самая любопытная из нас уже увидела этот чудо-чайник. Да! Если бы мы знали о его существовании, мы заказали бы чайник!

– Нет, подумать только! Наша ваза ничуть не хуже, а вот надо же? – возмущались родители.

Горький осадок на душе остался у нас на долгие годы.

ОФИЦИАЛЬНО

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **ОДИН** раз.

2. Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке (в крайнем случае – пишутся печатными буквами) с двойным интервалом. На обороте листа **НЕ** писать и **НЕ** печатать.

3. **КАЖДЫЙ** лист должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (**ПОЛНОСТЬЮ**) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).

4. Фотографии принимаются **ТОЛЬКО КОНТРАСТНЫЕ**, высокого качества.

5. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (электронный адрес указан в выходных данных).

6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора **Владимира Александровича КОСТЫЛЕВА**.

Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **НЕ РАССМАТРИВАЮТСЯ принципиально и в работу НЕ ПРИНИМАЮТСЯ**.



КРАСНЫЙ РАТОБОРЕЦ

Сергей ЮДИНЦЕВ,
г. Владивосток

**Историко-литературный очерк (документы, воспоминания, версии)
К 90-летию разгрома Охотского фронта партизанской армии ДВР
под командованием Якова Ивановича Тряпицына.**

Шайки разбойников злодействовали повсюду. Начальники отдельных отрядов, посланных в погоню за Пугачёвым, тогда уже бегущим к Астрахани, самовластно наказывали виновных и безвинных... Состояние всего края, где свирепствовал пожар, было ужасно. Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас всевозможные перевороты, или молодцы и не знают нашего народа, или уже люди жестокосердечные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка.

А. С. Пушкин.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

История не терпит сослагательного наклонения. Этот аргумент неоспорим. Весь XX век тому подтверждение. Революции, войны, этнические конфликты, концентрационные лагеря, газовые камеры, голод, болезни, смерти миллионов людей... Вот неприглядная картина ушедшего столетия. И все же – историю не перепишешь набело и не повернёшь вспять. Что можно и нужно сделать – попытаться восстановить справедливость по отношению к тем, кто оставил свой след в истории, однако по разным обстоятельствам оказался на её обочине.

Руководствуясь исключительно названными причинами, я взялся за написание очерка о партизанском движении 1920-х годов на Амуре и Амгуни, дальневосточных реках, воды которых скрыли следы многих преступлений, совершённых как белыми и японцами, так и красными, установившими Советскую власть на Дальнем Востоке России.

Как ни прячь «шило в мешке», тайное всё равно становится явным. И историки эту аксиому доказывали множество раз, опровергая устоявшееся мнение о том или ином герое. Однако истина, как всегда, посередине. Придерживаясь «нейтралитета» в работе над очерком, думается, удалось доказать документами, фактами, действиями и поступками героев тех лет то, что японцы и другие «помощники» белого движения оказали, как говорят в этих таёжных местах, «медвежью услугу», поспособствовав гражданской войне стать более жестокой и непримиримой.

Главной же фигурой очерка является легендарный (сегодня это можно утверждать твёрдо) командир партизанской армии Яков Иванович Тряпицын, который

был расстрелян летом 1920 года по решению революционного трибунала в селе Керби (ныне – село имени Полины Осипенко). И было ему тогда всего-навсего... 23 года. Гриф «секретно» с материалов «тряпицынского дела» был снят лишь в 1988 году. Яма, где он нашел своё последнее пристанище, так и осталась ямой, до сих пор не став нормальной человеческой могилой...

Как бы негативно мы ни относились к Якову Тряпицыну, только снова и снова возвращаемся к тому, что гражданская война, разделившая людей на белых и красных, большевиков и меньшевиков, коммунистов и беспартийных, на деле оказалась гигантским жерновом, который перемалывал всех, независимо от разреза глаз, цвета кожи, языка и вероисповедания. Всех породила русская земля, а значит, павшие в братоубийственной сече достойны памяти. Разве они виноваты, что время расставило их по разные стороны баррикад? Конечно же, нет.

Всё моё беспечное босоное детство прошло здесь, в районе им. П. Осипенко (в приисковых сёлах Оглонги и Херлучи), где мальчишкой я слышал много рассказов о героях-партизанах из уст очевидцев тех событий. Бывший красный партизан И.С. Кислицын был частым гостем в нашей восьмилетке, особенно в день празднования Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года. Удинские мальчишки, где в здании школы партизаны развернули штаб, находили патроны и пулеметные ленты, которые потом обменивались на крючки, лесу, рогатки – в общем, на всё, что менялось между нами. Много чего было... И почему-то, вольно или невольно, в подсознании крутилось имя Тряпицына. Тайна секретности сделала своё чёрное дело – жизнь командующего партизанской армией обросла легендами.

Давайте же приоткроем завесу тайны и поближе познакомимся с партизаном Яковом Тряпицыным. Нет ничего ценнее живой памяти, сам Бог велел вспомнить о той грозной поре: в июле 2010 года исполнится 90 лет с начала разгрома партизанского штаба, а в дальнейшем и всей армии Охотского фронта.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЛЕЙБ-ГВАРДЕЕЦ

Яков Иванович Тряпицын родился в 1897 г. в деревне Савастейки Муромского уезда Владимирской губернии в семье ремесленника-кожевника. О таких говорят: «Косая сажень в плечах». Он и вправду напоминал былинного богатыря: будучи от природы крепким и рослым, мо-



лодой человек выглядел значительно старше своих лет. Недаром Яков сразу попал служить в лейб-гвардейский полк. По традиции, призывников привозили в Петербург и устраивали показательный смотр в Михайловском манеже. Эмоционально и восторженно пишет о подобном событии в своих воспоминаниях флигель-адъютант полковник Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка Н.А. Петровский: «Гвардия комплектовалась новобранцами со всей России. Новобранцы были христиане, политически благонадёжные, здоровые, рослые, красивые, большинство из зажиточных крестьян, а известный процент из ремесленников. Их присылали в Петербург в так называемые «проходящие» казармы... Конечно, все явно рыжие шли в Лейб-Гвардию Московский полк, курносые (явно) – в Лейб-Гвардию Павловский; маленькие чёрные красавцы с бородой – в лейб-гусары, а такие же, но большие (высокие) в Конную Гвардию, Преображенский, Измайловский и Лейб-Гренадерский полки. Высокие блондины с голубыми глазами и продолговатыми лицами – в Семёновцы; высокие блондины со здоровыми, круглыми и чистыми лицами – в кавалергарды, такие же, но рыжеватые – в кирасиры Его Величества, а высокие, чёрные, без бороды – в кирасиры Ея величества, и так далее»¹.

Служить попал Яков Тряпицын в Кексгольский лейб-гвардейский полк вольноопределяющимся. Во время первой мировой войны проявил героизм, был представлен к двум Георгиевским крестам и произведён в прапорщики.

В статье «Братская могила на болоте» (журнал «Родина») подробно рассказано о том, в каких невыносимых условиях приходилось солдатам и офицерам российской царской армии вести наступательные и оборонительные бои.

«С ноября 1915 года по начало июля 1916-го большинство частей Гвардии находилось в резерве в районе Режица-Двинск, а затем в районе Дуниловичи – Молодечно – Минск. За это время численность рот была доведена до 200 – 220 человек. В строй после ранения вернулось достаточное количество унтер-офицеров. Хуже обстояло дело с офицерами, большинство которых прибывало в полки после военных училищ, перешедших с октября 1914 года на трехмесячную подготовку прапорщиков. Поэтому во главе многих рот даже в гвардейских полках находились поручики и подпоручики, что не соответствовало штатному расписанию.

В резерве Гвардия пополнялась вооружением и обучалась новой тактике ведения наступательного и оборонительного боёв с учётом уже имевшегося опыта первой мировой войны. В значительной мере была ликвидирована нехватка снарядов, от которой страдала вся русская армия в 1915 году. Во всех 13 кавалерийских полках гвардии были созданы пешие эскадроны, впоследствии сведенные в стрелковые полки 1, 2 и 3-й кавалерийских дивизий.

Одновременно во время нахождения в резерве была осуществлена структурная реорганизация войск... Гвардейская пехота и гвардейские стрелки составили два корпуса. 2-й гвардейский пехотный корпус был сформирован в составе 3-й гвардейской пехотной дивизии

(полки: Волынский, Литовский, Кексгольмский, Петроградский) и гвардейской стрелковой бригады четырехполкового состава, преобразованной в начале 1916 г. в дивизию. Во 2-й гвардейский пехотный корпус входили: 3-я гвардейская артиллерийская бригада и гвардейская стрелковая автобригада. Командовал 2-м гвардейским пехотным корпусом с мая 1916 г. генерал-лейтенант Г.О. Раух»².

НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Весенняя распутица усложнила положение русских войск на всех направлениях, что привело к изменению тактических действий на фронтах. Доктор исторических наук Е. Чапкевич и историк А. Тихомиров пишут: «В связи с изменением боевой обстановки Ставка приняла решение перебросить Гвардию на Юго-Западный фронт. Здесь в результате знаменитого Брусиловского прорыва, начавшегося 18 (31) мая 1916 года, войскам удалось овладеть городом Луцком и частью Волыни. Наступление успешно развивалось, и 26 июня (9 июля) Ставка отдала директиву Юго-Западному фронту овладеть важным узлом сообщения в тылу врага – Ковелем, нанести фланговый удар Пинской группировке неприятеля в направлении Брест-Литовска. Генерал А. А. Брусилов стремительным ударом IV конного корпуса надеялся занять Ковель. Однако момент для этого был упущен. Против русских войск образовалась ударная группировка под командованием немецкого генерала А. фон Лизингена, которая отразила наступление 3-й и 8-й армий Юго-Западного фронта. Именно поэтому начальник штаба Ставки генерал М. В. Алексеев с одобрения царя принял решение перебросить под Ковель войска Гвардии.

12(25) июня Гвардия получила приказ погрузиться в эшелоны и двигаться к Ровно и Луцку. Среди гвардейцев наблюдался боевой подъём и уверенность в победе. Полковник Кексгольмского полка Б. Адамович позднее вспоминал, как «с музыкой и песнями, весело, торжественно выступала Гвардия из "большого резерва"»³.

Прибыв в пункты назначения, гвардейские части походным порядком двинулись на исходные позиции в 10 км от реки Стоход, где сменили части XXXIX армейского корпуса генерала С. Ф. Стельницкого.

Гвардии было приказано овладеть деревнями по южному берегу Стохода, форсировать реку и наступать через Жуков и Кухарский лес на Ковель, на который одновременно с севера и востока нацелились войска 3-й армии. Генерал-квартирмейстер штаба войска гвардии Б.В. Геруа так вспоминал о совещании у Брусилова по поводу предстоящего наступления: «С грустью и недоумением взглянули мы на поле нашей будущей атаки. Сначала открытая и плоская, как ладонь, полоса Суходольских болот, необходимость форсировать реку, а затем лесисто-болотистые дефиле, которые тянулись до самого Ковеля и которые можно было защищать малыми силами с достаточным числом пулеметов и орудий против превосходящих сил... Идти на Ковель с юга было нелегко. Штаб фронта торопил и хотел, чтобы мы атаковали через пять дней»⁴.



**Георгий НАЗИМОВ,
Калифорния, США**

Начало общей атаки было назначено на 13 часов 15 (28) июля. Артиллерийская подготовка на фронте 2-го корпуса началась рано утром и продолжалась семь с половиной часов. На участке прорыва было сосредоточено 72 легких и 24 гаубичных и тяжелых орудия. По количеству орудий противник и на этот раз имел превосходство.

Артиллерия перед фронтом 2-го корпуса проделала проходы в проволочных заграждениях и подавила многие огневые точки. Офицер Волынского полка Л. Кривошеев вспоминал: «Отдаленный мягкий звук, похожий на раскат грома, дальноточных пушек, сливался с более резким кряканьем 6-дюймовых орудий, а в промежутках между ними, как горохом, резко и звонко пересыпали лёгкие полевые батареи. «Засмеялась наша артиллерия», – сострил унтер-офицер Трофимов. Действительно, этот гул напоминал сатанинский хохот⁵. И как только рев канонады угас, с криком «ура» поднялись в атаку батальоны кексгольмцев.

Первый батальон под командованием штабс-капитана В. К. Витковского, пройдя болото, ворвался в первую траншею неприятеля. За ним двинулся второй батальон полковника Д. Г. Ядыгина. Выбравшись на сухое место, кексгольмцы устремились в штыки и на плечах отступающего противника ворвались в Трыстенъ. После рукопашной схватки была взята и вторая линия окопов. Однако этот успех достался Кексгольмскому полку дорогой ценой: из 3,5 тысячи нижних чинов, вступивших в бой, 1973 было убито и ранено. Среди офицеров потери составили 80 процентов.

Правее Кексгольмского полка наступали гвардейские стрелки в направлении деревни Щурин. Продвигаясь быстро вперед, они захватили несколько орудий, много пулеметов и пленных. Не сбавляя наступательного порыва, стрелки рвались к деревне Витонез. Однако к противнику подошли резервы, и он попытался отбить захваченные гвардейцами батареи. К ночи первого дня наступления полки смешались. На поле среди болотной грязи оставалось много убитых и раненых. Обходивший место сражения командир волынцев генерал А. Е. Кушакевич вспоминал, что «с наступлением темноты поле боя буквально стонало, – так много раненых не было убрано».

Ответственность за неудачи Гвардии на Стоходе и рядовые солдаты возлагали на командование, правда, в первую очередь, на генералов с немецкими фамилиями. Показательно в этом отношении перехваченное военной цензурой письмо одного из гвардейских солдат 1-й пехотной дивизии, где в измене и сношениях с врагом обвинялся генерал Нотбек только потому, что он был немцем.

Антигерманские настроения открыто проявятся через несколько месяцев, когда грянет февральская революция, первыми жертвами которой станут офицеры с немецкими фамилиями⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Керсновский А. А. *История русской армии*. М. 1994. т. IV. С. 34.
2. Адамович Б. *Трыстенъ. 15 – 28/ VII – 1916 год*. Париж. 1935. С. 10.
3. Геруа Б. В. *Воспоминания о моей жизни*. Париж. 1970. Т. II. С. 127 – 128.
4. Адамович Б. *Указ соч.* С.29.
5. Там же. С. 51.
6. Там же. С. 55 – 56.

Весна

Помнится мне весна на «Орлице». На дворе стояли последние майские дни. Было свежее, ясное, тихое утро. На небе яркое весеннее солнце испустило сияние по всему горному ущелью. А в воздухе сирень слегка дурманит голову. Тут зацвели повсюду луговые цветы: куриная слепота, жёлтые лютики, одуванчики и различных пород и расцветок бархатцы и колокольчики. Ах! Как красиво и как хорошо было у нас в эту пору! В лесу серебрились листья клёна, и тонкий запах жасмина наполнил чуткий весенний воздух.

Дикая черёмуха зацвела меж зелёными купами деревьев и казалась мне как бы облитая молоком. И тут же, в тёмных ветвях зелени, доносились до меня разнообразные переключки лесных птиц. Я помню ещё горный аромат весенних вечеров и как по ночам соловьиное щёлканье, на мгновение утихающее, переходило в тихо-перекатные разливные звуки, чтобы затем опять залиться в длинные, с переливами трели. Да, давно уже это было и прошло безвозвратно... Так зачем же я под конец своей жизни тревожу понапрасну минувшие дни моего детства?

Лето

Да вот уже и весна прошла, а за ней незаметно подступило короткое, знойное лето. Над Рыльским ущельем вставали уже между тем тёплые летние ночи, а по небу рассыпались, сверкали звёзды, дрожа синеватыми лучами. У нас на станции уже с утра закружились и защебетали ласточки в чистом летнем воздухе. Тут и там у полотна железной дороги целые полоски пёстрого мака, кое-где разные синеватые васильки и полевые одуванчики процвели.

Надо сказать, что тут, в горном ущелье, мы были отчуждены от людской общины, и жили мы тут иначе, чем прочие люди. Вот и сейчас, вспоминая о прошлом, я ощущаю сладкую истому минувших дней моей детской жизни. Мне мечтается о том, как я брожу по лесу с лукошком в руках, собирая с кустов дикую лесную малину, от которой струится тонкий аромат. Я также вспоминаю наш старый, заманчивый лес. Он, как бы усыпая, застыл... Всё в нём было тихо, и только чиж да малиновки изредка переключались тонкими голосами.

А знаете ли, что такое красное поле земляники?!

Бывало, войдёшь в поле, густо поросшее дикой земляникой, и вдруг так и обдаст запахом вкусной ягоды. Я ещё помню, как у нас на «Орлице», вечерами, когда на дворе уже становилось совсем темно, было так любо и дорого смотреть на ярко светившихся в темноте светлячков на тонких стебельках и листочках...

Надо сказать, что я провёл свои детские годы в природе парных лесов и талой земли. И вот почему сейчас, от наплыва тёплых чувств, особенно хорошее настроение легло мне на душу. Да, впрочем, тут слов и не надо, потому что чувствую я, что мне остаётся только в утешение, вспоминая, писать свои записки.



Станислав

Владимир ЛЮКОВ,
г. Москва

1

Проснувшись, Николай не спешил открывать глаза. Он лежал на спине не шевелясь, словно боялся нарушить состояние блаженства, в котором пребывал. Боль в ноге утихла. Пожалуй, впервые за всё время после ранения он чувствовал себя так хорошо. С закрытыми глазами лучше думалось. Который уже раз он возвращался мысленно в тот день, когда разорвавшийся неподалёку снаряд изрешетил ему ногу осколками. Очнулся уже в санбате. Необходима была операция.

Вечером того же дня с краковского аэродрома поднялся в небо американский «Дуглас», до предела нагруженный ранеными, вперемешку с какими-то многочисленными тюками и всевозможных размеров ящиками. Так он и очутился в небольшом западноукраинском городке Станиславе, в тыловом госпитале.

Город, своей архитектурой напоминавший небольшие польские города, которые ему довелось освободить, был областным центром. И так, война, которая неотвратимо приближалась к своему завершению, для него закончилась уже сейчас. Не придётся ему, как видно, участвовать в штурме Берлина. Эко его угораздило!

Всю войну прошёл, с первого дня, считай, ни одной царапины, а напоследок не уберётся. Обидно даже, что не пройдёт он по улицам поверженного Берлина.

«Всё, отвоевался гвардии лейтенант Нащёкин», – с горечью думал Николай. Он вспомнил, как утром, после операции, подсел к нему пожилой уже хирург, с погонами подполковника.

– Ну что, лейтенант, как спалось? Какие сны смотрел?

– Про войну...

– Война, мил мой, для тебя закончилась. Вот поправишься, отдохнёшь маленько и домой поедешь. Родители живы, здоровы ли? Заждались, поди?

– Живы, слава Богу! – ответил и тут же осёкся...

– Вы не подумайте, товарищ подполковник, что я верующий какой. Это как-то само собой получилось, привычка деревенская.

– Да ты, парень, не тушуйся. В душе должно быть место Богу, иначе жизнь человеческая теряет всякий смысл. Каждый для себя когда-нибудь решает этот непростой вопрос. Ну да ладно! Какие твои годы, лейтенант! Радоваться должен, что живой остался в такой войне. А на ноги мы тебя поставим. И не таких поднимали. Воевать, правда, не придётся больше, не успеешь просто, а вот на свадьбе своей спляшешь, это я тебе как доктор говорю. Невеста-то есть?

– Не успел, товарищ подполковник, – улыбнулся Николай, – я ведь на фронт, можно сказать, со школьной скамьи ушёл, прямо с выпускного бала. Так и пришли к военному всем классом. Где сейчас мои одноклассники?

От неожиданно пронзившей ногу острой боли он вдруг непроизвольно застонал и поморщился, но быстро взял себя в руки и продолжил:

– Отец мой вернулся с фронта в сорок четвёртом, на костылях. Ногу ему оторвало правую по самое... дальше некуда, как говорится, когда Днепр форсировали. На одной только жилке и держалась. Так он, прежде чем сознание потерять, с такой силой обхватил её руками, что санитары отнять не смогли, чтобы выбросить за ненадобностью. Так в санбат и приволокли. А там подвернулся, на его счастье, хирург-умелец, пришил на место. Мать пишет, прижилась. Но костыли пока не бросает. А как крестьянину хозяйство вести на костылях? А теперь вот и я тоже...

Николай закусил губу и прикрыл глаза, чтобы не видно было выступивших нечаянно слёз.

– Отставить, лейтенант! – цыкнул на него подполковник, – а это – тебе.

И вложил ему в руку небольшой, но довольно увесистый кулёчек.

– Детям покажешь, для наглядности. Им воевать уже вряд ли придётся, но понятие должны иметь, кому они жизнью обязаны.

Николай развернул кулёк, и на простынь просыпались кусочки металла, числом с дюжину. Они были разной формы и размера, с острыми, рваными краями.

– Это – самые крупные, – прервал минутное молчание подполковник, – а что помельче – в ноге остались. Чтобы их извлечь, пришлось бы всю ногу исполосовать. Может, какие и сами выйдут, со временем, а так придётся тебе их всю жизнь в себе носить. Эта память всегда при тебе будет. Ну, мне пора. Засиделся я тут у тебя, пожалуй. Бывай здоров!

Перебирая пальцами осколки, Николай думал: «Вот ведь какой необыкновенный человек. Нашёл время, несмотря ни на занятость, ни на усталость. И вроде посидел всего ничего, и говорил не так уж много, но сколько в нём чувствуется силы духа и веры. Как он умеет тихо, ненавязчиво вселить уверенность в себя и так расположить к себе собеседника, что хочется излить ему всю свою душу, без утайки, до самого доннышка».



2

Просыпаясь, начинали ворочаться соседи по палате. Николай открыл глаза и повёл взглядом.

В коридоре послышались быстрые шаги. В открывшуюся дверь впорхнула сестра Шурочка, всеобщая любимица, как всегда, улыбающаяся, и по палате рассыпалось тонким переливом:

– А ну, герои, просыпайсь!.. Как спали, герои-соколы? Жалобы, просьбы есть у кого? А кто забыл сделать укольчик?

Так щебетала она, проворно делая своё дело, порхала из одного угла палаты в другой, от койки к койке и от этого щебета легче становилось на душе, уходила тоска, уступая место надежде.

Здесь, среди этих суровых, искалеченных войной людей, она ощущала всю свою значимость и полезность. Ей только-только исполнилось семнадцать, и её неуёмная энергия неистово рвалась наружу. Ей столько хотелось сделать доброго, нужного, необходимого. С юной горячностью и безрассудностью кидалась она на любой зов о помощи, словно боялась в свои семнадцать лет не успеть отдать людям частичку своей души. С трепетностью относилась она к своим нелёгким обязанностям. Чужую боль она воспринимала как свою собственную и счастлива была безмерно за других, если всё у них было хорошо. Она старалась выкроить частичку времени для каждого раненого бойца и хоть как-то облегчить их участь. Одному поможет написать письмо домой, другому почитает долгожданную весточку от родных. Все любили её и называли кто дочкой, кто сестрёнкой, а кто по имени, но обязательно ласково – Шурочка. Родных у неё никого не осталось. Одна как перст на всём белом свете.

3

С каждым днём фронт всё дальше и дальше катился на запад, стремительно приближаясь к логову «зверя», и не было в мире силы, способной остановить эту мощную лавину. Германия была обречена на поражение.

Николай понимал, что война для него закончилась, и поэтому, когда ему предложили перейти в органы госбезопасности и остаться в Станиславе, недолго думая, согласился.

В лесах хозяйничали банды националистов, многие из которых ранее тесно сотрудничали с фашистами и активно участвовали в карательных акциях против мирного населения. Их руки были по локоть в крови, и

рассчитывать на прощение не приходилось. Но были и такие, которые мужественно сражались с фашистами в составе различных партизанских отрядов, однако теперь, перед угрозой новой оккупации со стороны СССР, объединялись с бандеровцами. Были и откровенные уголовники, для которых идея борьбы за независимость была всего лишь ширмой. Некоторые из этих банд доходили числом до ста и более человек. Они были неплохо вооружены и терроризировали как местные органы советской власти, так и мирное население. В июле 1944 года Организацией украинских националистов (ОУН) был создан Высший совет освобождения Украины. Лидер украинских националистов Роман Шухевич принял на себя командование Украинской повстанческой армией (УПА).

Николай не знал покоя ни днём ни ночью. Боевой



офицер-артиллерист стал офицером госбезопасности, командиром оперативного истребительного отряда, выслеживавшего бандитов по окрестным сёлам и лесам, выкуривал их из схронов и насиженных мест. Часто силы были неравными, перевес был явно не на стороне «ястребков». Николай жутко уставал, давали знать о себе раны. Местное население относилось к ним не то чтобы совсем уж враждебно, но как-то настороженно, с недоверием и некоторым опасением. Да и то сказать, всё время – «под кем-то». То под Польшей, то под германцем, а теперь под Советами.

Конечно, были и такие, что помогали активно и сознательно. Они и погибали часто от рук националистов.

Старший лейтенант госбезопасности Николай Нащёкин, прошедший всю войну, не раз смотревший смерти в глаза, и сейчас продолжал рисковать жизнью ничуть не меньше, а может, даже и больше, чем на фронте. Там, по крайней мере, было понятно, кто враг и где он. А в этой, казалось бы, мирной жизни всё было намного сложнее.



«У русских есть сердце...»

Василий САМОТОХИН,
г. Санкт-Петербург

При военной студии писателей-баталистов и маринистов Тихоокеанского регионального пограничного управления во Владивостоке существовала литературная студия «Парус», которую вёл член Союза писателей России Владимир Тыцких. На одном из её заседаний обсуждалось опубликованное в журнале новое произведение Владимира Михайловича «Десятая книга», позже вышедшее в свет отдельным изданием, но малюсеньким тиражом. В обсуждении, кроме студийцев, участвовал приехавший в приморскую столицу из Хабаровска главный редактор журнала «Дальний Восток» Валентин Михайлович Фёдоров.

Владимир Тыцких сам не мог определиться, что за жанр он избрал. В «Десятой книге» были и стихи, и воспоминания, и дневниковые записи. А Фёдоров определил точно: это – беседа с человеком, которому доверяешь самое сокровенное. А самое сокровенное – отец, мама, родная земля, друзья, дети, которые продолжают дело отцов. Юрий Кабанков отметил, что размышления Тыцких о прошлом, настоящем и будущем полны философии, а, как известно, эту науку не все любят. Но она заставляет человека задуматься над смыслом жизни, о том, что жить надо честно, делать людям добро.

Я обратил внимание на новеллу «Быть бы мне Серохвостовым». Она посвящена деду Владимира Михайловича – Сергею Серохвостову, Георгиевскому кавалеру, который командиром партизанского отряда дрался за Советскую власть. Тыцких пишет: «К выбору деда отношусь, несмотря на сдвиги истории, уважительно, по-прежнему истово доверяю ему. Дед, всё его поколение кажутся мне лучше, сильнее и чище нас. То, что нас оторвали от этого поколения, представляется мне самым страшным грехом системы, царившей в стране на протяжении почти 20 века».

Сказанное – это и моё мнение – лучше не выразить. И это им, нашим дедам, посвящены строки поэта:

*Они уже в пути. Они уже не с нами.
Забывшейся судьбой ниспослан будет срок
Для гнева и для слёз. Во тьме воспоминаний
Воскреснет прошлый свет. На север и восток
Ещё не добрели безмолвные конвои,
Но смертной тени их ничто не возвратит.
Кровь стынет, и вослед ночная вьюга воет.
Ты плачешь или нет? Они уже в пути.
Ты деда узнаешь? Он, кажется, смеётся?!
Толкнёт тебя плечом: живи пока живой!
А с падающих звёзд последний свет прольётся
И угодит во тьму и – обернётся тьмой.
...Они уже в пути. А где-то в отдаленье
Маячим мы с тобой. А кто-то вслед глядит.
Ты видишь, как блестит штыками оцепленье?
Живи, пока живой! Они – ещё в пути...*

Читал эти строки и узнавал в них своих дедов Фрола Самотехина и Николая Землякова. Их уже давно нет рядом, но я люблю их и горжусь ими.

Я никогда не был в Японии, но, мне кажется, я знаю эту страну и понимаю японцев. И это понимание появилось после прочтения главы «Тост Тору Камэй». Бывший солдат импера-

тора, художник из Киото, поднимает тост за русских и говорит такие слова: «У вас есть сердце, а у нас его давно нет...». Душа наполняется гордостью за русский народ – щедрый, гостеприимный, добрый, открытый, готовый поступиться своим ради чужого.

Не мог я не обратить особого внимания и ещё на один сюжет. В книге он назывался просто, даже как-то вызывающе не литературно: «Всё такое родное». В нём шла речь о Екатеринбурге, о том, как автор однажды побывал в этом городе в командировке. Владимир Михайлович был там вместе со мной. И то, о чём он рассказывал, было мне не просто понятно и очень знакомо – я чувствовал то же, но, увы, написать не написал. Тыцких сказал об Урале ярко, точно, пронзительно. Вот только несколько строк хочу привести: «Могучий лес – загадочно-молчаливый, сказочно-заснеженный – по обеим сторонам шоссе, казалось, держал на себе низкое небо декабря, плотно запахнутое сплошной – от горизонта до горизонта – серосвинцовой тучей... До города ещё надо было доехать, однако он уже обретал в воображении пока не очень конкретный, но живой облик – я видел город глазами друзей...»

Мы были в Екатеринбурге всего неделю, но навсегда полюбили и этот город, и его людей: поэта, полковника Александра Кердана, военных журналистов Владимира Зуева, Виктора Коржукова, Игоря Лавренова...

Я был первым и единственным свидетелем сотворения «уральского» стихотворения:

*Ни летами не был здесь, ни зимами.
Почему – не скажет и сама –
Оказалась мне такой родимой
Екатеринбургская зима?
Я давно не мёрз по-настоящему,
В снежную закручен повитель;
Не дивился кружеву изящному,
Что связала по ночи метель.
Эх, недолговечно чудо-кружево!
Утром северняк пошёл в набег –
В старом сквере лиственницы дюжие
С чёрных веток стряхивают снег.
И скрипят, исполнены волнения,
Точно так, как сотни лет назад.
Голос их я слышал до рождения –
Ведаю, о чём они скрипят.
Без причин не станут беспокоиться
Лиственницы эти, этот снег.
Самый воздух Каменного пояса
Сам Урал – России оберег.
Гость залётный, пропадаю пропадом.
В каждом встречном чудится родня.
На Алтай отсель бергалы топали...
Мама-то бергалка у меня...*

Мой однокашник Игорь Лавренов так отозвался об этом стихотворении: «Живу в Екатеринбурге больше десяти лет. Чувствую то же самое, пишу о нём много, но так сказать не могу и не смогу. О нашем городе сказано гордо, высоко, ответственно...». Я верю Игорю, он обладает хорошим литературным вкусом, глубоко чувствует жизнь, и душа его открыта миру.



Фото Бориса Вавилина.

Юрий Кабанков сказал, что настоящий поэт пишет в надежде на достойное осмысление его творчества благородными потомками. А разве через десятки лет не прочтёт человек вот эти строки, и они его не взволнуют, не заставят задуматься о том, чтобы стать лучше и жить достойно на земле?

*Нет времени присесть и отдохнуть.
Затерян мир в пространстве необъятном.
Как много уходило в этот путь –
Никто ни разу не пришёл обратно.
Такая даль! И вроде – по прямой –
Уже рукой подать до горизонта,
Но даль как будто шутит надо мной:
Обходит с флангов, отступая с фронта.
Всю жизнь иду, а силы нет – ползу...
.....
...Я не останавлиюсь, пока живой,
А копь, судьбой и Богом не хранимый,
Вдруг упаду – прицельюсь головой
Туда, в рассвет, в простор недостижимый.*

Юрий Кабанков прав: такие стихи учат мужеству, а без него во все века жилось тяжко.

Каждый из студийцев отыскал в книге Тыцких стихи и новеллы, которые понравились больше всего.

Подполковнику Евгению Ноженко, не раз бывавшему в Рудной Пристань, запало в душу вот это:

*До горы по крутой по лесенке –
Поворот, подъём, поворот ...
Вот и встретились, вот и вместе мы –
Каждый с грузом своих забот.
В лица вглядываюсь попристальней,
Чтоб запомнить до крайних дней.
Ваша сопка над Рудной Пристанью
Стала капельку и моей.
Вы без малого небожители:
Даже дым пристанской, и тот
До высокой вашей обители
Как ни вьётся, не достаёт.
Вот собрать бы вас всех, солдатики,
Кто из этих и тех времен
Над судьбой, над землёй горбатенькой
Хоть однажды был вознесён!
Что гостиница? Штаб с казармою,
ДОС*, и баня, и гаражи
Не вместили бы разом армию*

*Тех, кто Родине здесь служил.
Но едва ли в их душах выстыли
Радость прошлая и печаль,
Эта сопка над Рудной Пристанью,
Это небо и эта даль.*

Пограничники, которым Владимир Михайлович посвятил стихотворение, говорили: вот это да, приехал, пообщался с нами и написал! Поэт!

А командир части подполковник Андрей Гребнёв был в восторге от другого стихотворения:

*Может, спешили сюда за удачею,
Может, случайно судьба занесла.
Только на что было время потрачено?
Ветер и камень. Вода и скала ...
Поздняя осень. Дубами заросшие
Здесь, над обрывом державной земли,
Сопки приморские дикими кошками
Выгнули рыжие спины свои.
На сквозняке ветровом по-над берегом
Тихо в молчании долгом стою.
Что вам судьбиной суровой отмерено,
Люди, осевшие в этом краю?
Как же похожи мы русскими бедами!
Как величаво и грустно окрест!
Жить-поживать бы нам здесь и не ведать бы
Прочим народом насиженных мест.
Жить-поживать бы... Да что-то не ладится
В землях родимых от самой Москвы...
Волны солёные катятся, катятся...
Клоняются стебли засохшей травы.
Падает за море ядрышко медное.
Жмётся удача к чужим берегам.
И продолжается трудно и медленно
Век, не навеки отпущенный нам.
Выдюжим, грешные! Стерпится-слюбится.
Чай мы не дурни, не лодыри чай.
Лучшее время когда-нибудь сбудется...
Рудная Пристань! Прости и прощай...*

После обсуждения книги я подумал, что в Тыцких соединяется возвышенное и житейское, большой человеческий опыт, ироническое отношение к своим слабостям и отзывчивость художника, умеющего находить в окружающей жизни подлинные ценности, обращаться к ним, опираться на них. В конечном счёте, поэзия и проза капитана 2 ранга запаса Владимира Тыцких обращена к иерархии высшего – судьбы, ответственности, Божьего промысла.

...После заседания студии мы выпили по чарке беленькой за новую книгу и её автора, закусили арсеньевскими грибами-вёшенками, которыми нас угостил мой друг Пётр Носик, а Борис Вавилин, фотокорреспондент газеты «Пограничник на Тихом океане», сфотографировал нас на память.

* ДОС – дом офицерского состава.

На фото слева-направо: Юрий Николаевич Кабанков – художественный руководитель военной студии писателей-баталистов и маринистов Тихоокеанского регионального пограничного управления, брат Владимира Тыцких Сергей Тыцких – гость из города Усть-Каменогорска (Рудный Алтай), Валентин Михайлович Фёдоров – главный редактор журнала «Дальний Восток», Владимир Михайлович Тыцких – начальник студии писателей-баталистов и маринистов, Василий Николаевич Самотохин – военный журналист. Снимок сделан в июне 1999 года.



Поэты русские

*Поэты русские, друг друга мы браним,
Парнас российский дрязгами заселен,
Но все мы чем-то связаны родным,
Любой из нас – хоть чуточку Есенин.*

Евгений Евтушенко.

Если применительно к шахматам можно вывести определение: шахматы – это гимнастика ума, то вряд ли можно вывести точную формулу, что такое поэзия. Мне нравится определение древних: поэзия – это язык богов. Правда, так говорили древние греки о гекзаметре. Во всяком случае, природа материальных вещей, бывшая хаосом картин, чувственных образов страстей, глубоких смыслов, теней и полутонов или самой необузданной фантазии, вчерашняя языковая стихия после некоторых усилий мастера вдруг самым непостижимым образом превращается в сплав гармонии, в хорошо организованную речь. Но сами поэты по природе своей никогда не могут быть организованны. Хотя в недавнем прошлом были нередко и ангажированными, получали правительственные награды, даже становились Героями. Многие из этих «героев» уже канули в Лету, другие до сих пор жируют у кормушки, а четверо неорганизованных русских поэтов в разное время стали лауреатами Нобелевской премии по литературе. А ещё ранее того, в правление императора Николая I, известный хрестоматийный критик с гордой непогрешимостью пригласил Пушкина к бесславной участи и забвению, провозгласив Владимира Бенедиктова и Нестора Кукольника первыми поэтами России. Речь, однако, – о другом.

Прежде чем перейти к существу вопроса, схематично напомним о невосполнимой потере русской поэзией двух самых ярких и талантливых поэтов XX века – Сергея Есенина и Владимира Маяковского. Хотя этот ряд можно легко продолжить: Николай Гумилёв, 1921 г., Алексей Ганин, 1925 г., Борис Корнилов, неукротимо талантливый Павел Васильев, полные стихийной силы земли Сергей Клычков, Пётр Орешин, Василий Наседкин, Николай Клюев, Владимир Нарбут, тираноборец Осип Мандельштам. Таковы урожайно-расстрельные 1937–1938 гг. В 1941 г. повесилась Марина Цветаева, в застенках погиб муж, а их дочь Ариадна Эфрон, вслед за Анастасией Цветаевой, пошла по этапам. Испили горькую чашу и заглянули в бездну: Варлам Шаламов – три ходки, Виктор Боков, Ярослав Смеляков – три ходки – немецкий плен и плюс две советских; Юлий Домбровский – три ходки, потомок древнего рода Георгий Оболдуев; гениальный страстотерпец, поэт и философ Даниил Андреев. Чудом уцелел и умер в своей постели Максимилиан Волошин, эмигрировали в разные годы: Георгий Иванов, Иван Бунин, Иван Елагин, Владислав Ходасевич, Евгений Чинов. Погибли в послевоенные 1945–1952 гг. в числе многих других: Арсений Несмелов, Алексей Недогонов, Дмитрий Кедрин, Ицик Фефер, Перец Маркиш. Конечно, это краткий мартиролог, который каждый, в меру своей информированности и художественного пристрастия, может продолжить по своему усмотрению.

Уместно упомянуть о мартирологе XIX века, составленном Александром Герценом и позволяет легко закончить счёт на пальцах одной – максимум двух рук. Несколько имён добавим и мы, на свой, разумеется, субъективный вкус: Рылеев, Грибоедов, Пушкин, Бестужев-Марлинский, Полежаев, Лермонтов. Кюхельбекер, Огарёв, Шевченко, Чаадаев, Чернышевский, Достоевский. А эти-то как оказались в списке? Они умерли в своей постели! Но ведь последовали царизмом! Страдали! Следует заметить, лишь один Рылеев кончил виселицей. Он собственной персоной был в заговоре на первых ролях, соратниками не был оклеветан, безвинной жертвой не назовёшь. А судьба Грибоедова, Пушкина и Лермонтова – совсем другого ряда. При этом позволительно сделать сравнение: только за 30 лет сталинского правления русская (советская) поэзия понесла урон, превышающий потери всех стран мира вместе взятых за все века и тысячелетия известной истории мировой культуры. А с учётом прозаиков, драматургов, критиков и литературоведов – гекатомбы. Это всё равно, что пытаться сравнивать все потери мировой войны 1939–1945 гг. с потерями в наполеоновских войнах 1812–1815 гг. Я сознательно не упоминаю национальную поэзию братских республик, поэтов, погибших на фронтах Отечественной войны. Ибо эта святая тема требует более всего трепетного отношения и самое главное – честности, без эксплуатации имён, национальностей и других животрепещущих факторов. Но мы о них (спасибо агитпропу) хоть что-то знаем, а вот о других, не менее героических поэтах читающая публика почти ничего не знает. А они были. Были.

Я хочу остановиться на потерях в брежневскую (вегетарианскую) эпоху, когда ни одного поэта не расстреляли (разве что втихую душили и травили в психушках). Более того, равнодушная к судьбе отечества интеллигенция стала презирать конформистов, когда стала расцветать и укрепляться кухонная философия, которая внесла свой вклад в дело освобождения части населения от коммунистического морока, а ряды конформистов стали давать трещины. Тогда-то и зазвучали робкие бардовские струны Юрия Визбора, зачирикал Геннадий Шпаликов, захрипел бунтарский голос Владимира Высоцкого. Исповедальный голос «Ивана Денисовича» задал высокий тон писателям – «деревенщикам». Появился Федор Абрамов, Владимир Тендряков, Василий Белов, Валентин Распутин, Виктор Астафьев, к их голосам присоединились академики Андрей Сахаров и Игорь Шафаревич. Словно подслушав рецепт весьма осторожного Давида Самойлова, стала утверждаться и литература неподцензурная:

*Всё есть в стихах – и вкус, и слово,
И чувства верная основа,
И стиль, и смысл, и ход, и троп,
И мысль изложена не в лоб.
Всё есть в стихах – и то, и это,
Но только нет судьбы поэта,
Судьбы, которой обречён,
За что поэтом наречён.*



Именно в эти годы, часто встречаясь с автором неизвестного (на тот момент) «Реквиема», стали делать свои поэтические биографии-судьбы «четыре мальчика»: Анатолий Бобышев, Анатолий Найман, Евгений Рейн, Иосиф Бродский. Именно он, входя в поэзию, заявил: *Я родился и вырос в балтийских болотах, подле / серых цинковых волн, всегда набегающих по две...*

А подводя итоги своей биографии, сказал:

*Я вырос в тех краях. Я говорил «закурим»
их лучшему певцу. Был содержимым тюрем.*

Или:

*Я входил вместо дикого зверя в клетку,
Выжигал свой срок и кликуху гвоздём в бараке...*

И всё-таки начну свой разговор с многострадальной Анны Барковой (1902–1977 гг.), которая первый раз села в сталинскую эпоху (в 1934 г.), а вышла в брежневскую (1965г.), о которой в 1922 г. писал Анатолий Луначарский как о надежде русской поэзии. Вот её стихи 1932 г.

*Где верность какой-то отчизне
И прочность родимых жилищ?
Вот каждый стоит перед жизнью –
Могуч, беспощаден и нищ.*

*Живёт за окованной дверью
Во тьме наших странных сердец
Служитель безбожных мистерий,
Великий страдалец и лжец.*

За три (предсказуемые!) посадки набралось 22 года тюрем, пересылок, лагерей, столыпинских вагонов и три года ссылки. Это четверть века! Не много ли для надежды русской поэзии?! Для женщины!!! Счастливая участь – не расстреляли. За что? За честное слово.

Так и оказалось. За честное, исповедальное отношение к горному слову *залетела* в мрачные казематы и Ольга Бергольц, жена Бориса Корнилова, автора замечательной песни: «Нас утро встречает прохладой», где, выбивая из неё абсурдные показания, выбили из чрева и ребёнка, быть может, гениального поэта. Залетела (словечко-то какое! – специфическое!!), но и по сей день в блатном государстве (в прямом и переносном смысле слова) то и дело из уст чиновников самого высокого ранга слышим: «Утрясём», «замочим», «порешаем»... Так вот, залетела и этнограф, поэтесса, одна из последних учениц Андрея Белого – Нина Ивановна Гаген-Торн, отсидевшая в два приёма 12 лет. Первая посадка – в год принятия сталинской, самой «демократической» Конституции в мире (1936 г.). Прошли по краю бездны, чудом уцелели и умерли в своих постелях: Анатолий Жигулин, Юлий Даниэль, Валентин Солоухин, художник и поэт Федор Сухов, замечательный переводчик «Витязя в тигровой шкуре» Николай Заболоцкий. Я всё о поэтах, но не могу не упомянуть о прозаике Олеге Волкове, отсидевшем 27 лет, и о незаурядном инженере, эссеисте и философе Димитрии Панине, отсидевшем 17 лет. Не знаю, надо ли упоминать имена главных конструкторов ракетных двигателей: Королёва, Раушенбаха, Глушко, Янгеля, академиков Лихачёва, Конрада авиационных конструкторов: Туполева, Поликарпова, итальянского барона-коммуниста, миллионера Роберто Баттистини, приехавшего строить социализм, но проведших многие годы в советских лагерях. Погибли при загадочных обстоятельствах высланный за границу культуролог и историк (написавший работу «Просуществовать ли СССР до 1984 года?») Андрей Амальрик и замечательный сценарист, поэт и исполнитель собственных текстов Александр Галич.

Бежал из «счастливой» страны писатель Анатолий Кузнецов, уехали добровольно или были высланы Эдуард Лимонов, Юрий Кублановский, Иосиф Бродский, Наум Коржавин, Сергей Довлатов, Владимир Войнович, Владимир Максимов, Георгий Владимов, Андрей Синявский, Виктор Некрасов, Василий Аксёнов, Александр Солженицын; десятки и сотни художников, артистов, режиссёров, танцоров балета, музыкантов. И плоть от плоти – производное Системы – крупные военные (полковники и генералы), давая информацию к размышлению, что не всё ладно «в датском королевстве»; бежали рядовые дипломаты и даже послы... А ведь всю эту информацию можно было прочесть в стихах и прозе наших писателей. Подумать только, из пяти русских лауреатов Нобелевской премии – четверо из них преследовались советской властью: Иван Бунин (который в разные годы был дважды лауреатом Пушкинской премии и премии имени братьев Гонкур), Борис Пастернак, Александр Солженицын, Иосиф Бродский, у которого в СССР было опубликовано всего четыре стихотворения! За что и считался тунеядцем!!

Погиб в застенках Чистопольской тюрьмы (1986 г., третий срок) Анатолий Марченко. В тот же год был выслан за границу физик-идеалист, поборник социализма «с человеческим лицом» Юрий Орлов. Ещё ранее, пройдя психушки, был выслан генерал Пётр Григоренко, биологи Жорес Медведев и Валерий Соيفер. Погиб талантливейший математик Револют Пименов, а в мордовских лагерях на 6-м году заключения погиб 33-летний Юрий Галансков, там же украинский поэт Василь Стус. Вместе с ними сидели талантливые прозаики – ныне главный редактор журнала «Москва» Леонид Бородин (три ходки) и главный редактор газеты «Русский берег» Борис Черных.

Это они своими судьбами оплатили наше сегодняшнее более-менее свободное общение, возможность говорить без предварительного согласования текста. Но времена всё ещё аховые, всё ещё поэт-патриот не востребован обществом, более того, находится под прессом житейских проблем, а точнее говоря – вопиющей нищеты. Но горше всего подавляет поэта даже не нищета, а духовная неприкаянность, о которой полтора века тому назад писал Кюхля – Вильгельм Кюхельбекер:

*Горька судьба поэтов всех племён;
Тежеле всех казнит судьба Россию.*

В брежневское глухозимье поэты чередой уходили в мир иной. На самом деле их намного больше, чем мне удалось собрать. Вот лишь некоторые имена и даты их короткой жизни:

1. Александр Анциферов (1930-1964) – прожил 34 года.
2. Дмитрий Голубков (1930-1972) – прожил 42 года, застрелился.
3. Алексей Прасолов (1930-1972) – прожил 42 года, застрелился.
4. Дмитрий Блынский (1932-1966) – прожил 34 года.
5. Анатолий Передреев (1932-1987) – прожил 55 лет.
6. Юрий Смирнов (1933-1978) – прожил 45 лет.
7. Валентин Лукьянов (1936-1987) – прожил 51 год.
8. Николай Рубцов (1937-1972) – прожил 35 лет, убит.
9. Владимир Высоцкий (1938-1980) – прожил 42 года.
10. Александр Тихомиров (1941-1981) – прожил 40 лет.
11. Алексей Заурих (1941-1983) – прожил 42 года.
12. Мавр Ян (1941-1986) – прожил 45 лет, добровольно ушёл из жизни.



13. Геннадий Лысенко (1942-1978) – прожил 35 лет, поехал в приморской писательской организации.

14. Сергей Чухин (1944-1984) – прожил 40 лет.

15. Владимир Шлёнский (1945-1986) – прожил 41 год.

16. Александр Ревенко (1948-1977) – прожил 29 лет, трагически погиб.

17. Александр Гаврилов (1948-1983) – прожил 35 лет, умер от разрыва сердца, оставив нам такие строки:

*Давайте вспоминать друзей,
Ушедших поздно или рано, –
Пусть в собственной душе твоей
Кровоточит живая рана...*

и **Александр Тихомиров** о всех нас:

*Отчего голова поседела?
Вроде не с чего ей посесть...
За меня вся родня отсидела –
Так что мне не придётся сидеть.*

Вот какой диагноз века: «Вся родня отсидела...», диагноз, но вместе с тем и предупреждение: шутки в сторону, не принимает правил игры с властью – вон за кордон или – пожалте в психушку, а то и в лагерь. Для всех совестливых и честных уже давно был придуман циничный диагноз: **обострённое чувство справедливости**. А еще следует вспомнить и трагические смерти Леонида Губанова (бросился из окна многоэтажки), Александра Башлачёва (бросился с крыши дома), Александра Сопровского (33-х лет погиб в автомобильной катастрофе 1990 г.), совсем недавнюю смерть Бориса Рыжего. А к какой категории отнести одиссею Венники Ерофеева и Николая Глазкова? А в какую графу занести смерть священника Александра Меня (1990 г.), поэта и певца Игоря Талькова (1991 г.)? Смерть в 53 года (от разрыва сердца – 1991 г.) в сановной прихожей талантливого поэта, прозаика и публициста, четырежды не принятого в Союз советских писателей – Юры Кашука, многолетнего наставника талантливых поэтов Ивана Шепеты и Александра Куликова. Самоубийство Юлии Друниной (1993 г.) и Бориса Примерова (1996 г.). Таинственные смерти трёх депутатов Государственной думы: Галины Старовойтовой, Сергея Юшенкова, Юрия Щекочихина, журналисток Валентины Юдиной и Анны Политковской. Посмертную травлю фронтовика-инвалида Виктора Астафьева. И кем? Литературным чмо, после смерти которого читатель не вспомнит не только ни одной книжки, а даже ни одной его строчки, разве что развесёлую и смачную фамилию (Чмыхала, Чмухала, Чмокала?). Вся «слава» его останется в памяти свидетелей их былой «дружбы-выжидания», когда это Чмо нуждалось в авторитетной поддержке фронтовика. А после его смерти решил оттянуться, сплясать канкан на могиле заслуженного свидетеля трагической и героической победы русского солдата над коричневой чумой, – что, прозрев, фронтовик не жалуется маршала-мясника; не стеснясь и не оглядываясь на дутые авторитеты, честно рассказал свою солдатскую правду.

* * *

*Слава Богу, я ни стихами, ни прозой
не содействовал возвращению
своего Отечества с верного пути.*

Пётр Чадаев

Говоря о призвании литератора (в данном случае – поэта), почти 140 лет тому назад Яков Полонский оставил уникальное завещание поэтам всех времён:

*Писатель, если только он –
Волна, а океан – Россия,
Не может быть не возмущён,
Когда возмущена стихия.
Писатель, если только он
Есть нерв великого народа,
Не может быть не поражён,
Когда поражена свобода.*

Но мы все были слепоглухонемыми, не видели и не услышали громового выстрела в своё изболевшее и истрадавшее сердце бывшего собкора газеты «Правда» по сельскому хозяйству Валентина Овечкина. Как, впрочем, и сегодня не видим бед народных, безвозвратного усыхания животворных корней крестьянской Атлантиды, не только ожидаемого «прироста» строителей советского капитализма, но и чудовищной неостановимой деградации оставшейся части сельского населения, не хотим слышать повсеместного стоны и подземного гула негодования. Если до революции во всей деревне были один-два пропойных мужика, то нынче, после всех кровавых экспериментов, – один-два трезвенника. Известно, чем кончилось строительство библейской Вавилонской башни, совсем недавнее строительство нашего города-сада по-Маяковскому, когда в августе 1991 г. народ отказал в поддержке и защите прогнившей номенклатуры. Но и в наше время мало надежды на спасение и защиту коттеджей нуворишей, а на таджикского легионера всерьёз рассчитывать не стоит. Но уроки временщикам-«небожителям», к сожалению, так и не пошли впрок.

Каждого поэта определяет судьба и пространство; если он дальше своего собственного дома, села, города не бывал, то ему, собственно, и рассказать нечего, а если у него ещё и холодная кровь, и рыбье сердце, то ничего хорошего обществу, кроме вреда, принести он не может. Хорошо бы, если каждый из нас проникся ощущением «останнего часа», стал «нервом великого народа», тем спасительным камертоном, по которому всё общество сверяет и настраивает свои сердца. Поучаствовал хотя бы своим честным словом, а ещё лучше и делом, непрерывной работой духа в изменении «звериного лица» Отчизны, исповедуя заветы великого подвижника Земли русской – Александра Исаевича Солженицына «жить не по лжи».

Вот что 55 лет тому назад об этом писала Анна Баркова, словами которой я хочу закончить своё выступление:

*Ты опять стоишь на перепутье,
Мой пророческий, печальный дух,
Перед чем-то с новой властной жутью
Напрягаешь зрение и слух.*

*Не родилось, но оно родится,
Не пришло, но с торжеством придёт.
Ожиданье непрерывно длится,
Ожиданье длится и растёт.*

*И последняя минута грянет,
Полыхнёт её последний миг,
И земля смятенная восстанет,
Изменяя свой звериный лик.*

**Александр ЕГОРОВ,
г. Владивосток**



Здравствуй, наш дорогой друг «Литературный меридиан»!

Огромное спасибо за то, что в редакции внимательно читают наши письма, вникают в наши проблемы. Если бы город Калуга был поближе к г. Арсеньев, – обязательно приехала бы к вам, чтобы поблагодарить за ваш труд. Хорошо, что объявили конкурс «Шумит волна, звенит струна».

**Раиса ЛИХАЧЕВА,
г. Калуга**



Дорогая редакция! От всей души поздравляю «Литературный меридиан» с двухлетней годовщиной. Я рада, что являюсь его подписчиком, каждый присланный номер – просто мой праздник. Очень нравятся проникновенные стихи Галины Якуниной, Веры Гундаревой, Юрия Кабанкова, Геннадия Богданова, Владимира Тыцких. А «10 тысяч одуванчиков» Казакевича вообще просто потрясли.

И ещё – мне очень близки по духу стихи Ивана Шепеты. Очень хотелось бы приобрести сборник его поэзии, но – увы, в нашей глуши не достать, да и в областном центре в книготоргах нет изданий приморских поэтов. Может, редакция поможет мне приобрести сборник стихов Ивана Ивановича Шепеты?

Мой адрес:
676911, п. Приозёрный
Амурской области Ивановского района,
Мащенко Светлане Константиновне.



Удивляюсь терпению и терпимости редсовета «ЛитМ»! Ведь ничем, кроме названных добродетелей, нельзя объяснить публикацию на страницах литературного издания строк, подобных этим: «И поцелуй куда-то // цензура не пропустит», «Что-то случилось: рю», «Не успеет из Ирана // состав. // И скрипит у ветерана // сустав». Что за бредовый набор слов? Уж простите.

Или: «Над брючным ремнём топырим пузцо» (? – С.П.), «...Не подступись в прокурорском мундире». А без мундира или в каком-либо другом мундире, выходит, подступись? Бессмыслица, уважаемые!

Стихи известного в Приморье литератора: «Геракл в итоге Прометея спас – // Сын человеческий искоркою Божьей». Непонятно, каким образом согласуется античное многобожие с христианским Единым Богом?

Сомнительна, на мой взгляд, публикация Вадима Шарыгина стихов от имени Марины Цветаевой. При всём уважении к автору стилизации, Марина Ивановна никогда не написала бы таких строк: «Не нужен мне дар Данайцев, // слащавая вонь духов!» или «Я – не доход вам, – Сдача!» и т.п. Кроме прочего, ничем не подтверждено употребление в тексте слов с прописной. Вызывает недоумение псевдоцветаевский синтаксис... Мне кажется, Вадим поторопился представить на суд читателей свое произведение. Для художественной стилизации нужно куда как глубже изучать предмет подражания!

Очевидно, сотрудники редколлегии верят в скорую реализацию авторского творческого потенциала, потому и дают своеобразную фору, публикация малоценные в художественном смысле стихи.

В январском номере удивили и порадовали поэтические произведения известнейшего критика Валентина Курбатова. Спасибо, Валентин Яковлевич!

Достойны внимания поэтические строки Светланы Кековой, Михаила Ножкина, Ивана Шепеты, Александра Егорова.

**Сергей ПРОХОРОВ,
г. Владивосток**



Газета всегда радует, она «шагает в ногу» со временем!

В ноябрьском номере мне понравился рассказ «Ась» Ирины Мельниковой, «Городские зарисовки» Нины Полуполтинных, а в разделе «Поэзия» – стихотворение Николая Зиновьева «Ну куда я тебя приведу?»; стихотворение «О возрасте» Евгении Бакарюкиной; «Эскиз парка» Юлии Подлубновой; стихи Веры Гундаревой, Леонида Филатова, «Старая пластинка» и «Пришлый» Марины Зайцевой. Ещё из прозы очень понравились лесные истории Н. Кортелева, особенно – «Любопытная кабарга», – необычайно забавное повествование тонкого наблюдателя, точно подмечающего повадки зверя. Я, когда читала, и смеялась, и грустила вместе с автором рассказа.

**Татьяна ВЛАСОВА,
г. Шатура Московской области**

К слову о меценатах

Редакция «ЛитМ» обращается к знатокам и любителям литературы с просьбой о помощи в издании книги.

Речь идёт о сборнике стихов Геннадия Богданова «Субботний вечер». Рукопись сборника, над которой автор работал в течение 10 лет, находится в издательстве «Деловой ритм» в г. Москве. На издание книги необходимо 50000 рублей. Книге Г. Богданова «Субботний вечер» дана положительная оценка московских и дальневосточных литераторов.

Надо заметить, что предыдущие сборники стихов дальневосточного поэта «Ничто» и «Пока дышу» пользовались популярностью и моментально исчезали с прилавков книжных магазинов. В новую книгу вошли лучшие стихи, написанные автором начиная с 1982 года по сегодняшний день.

По желанию спонсора его имя с благодарностью будет опубликовано в предисловии к сборнику. В книге Г. Богданова можно разместить любую рекламу спонсора. Автор обязуется по мере реализации тиража вернуть спонсору перечисленную им сумму.

Средства на издание книги можно перевести на пластиковую карту № 4276 8500 9681 2919 в Арсеньевском ОСБ № 7718/7718. Получатель – Владимир Александрович КОСТЫЛЕВ.

Справки по телефону: 8 914-666-1-999

Редколлегия «ЛитМ»

© Литературный
меридиан



Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.

Тел. (+7) 914-666-1-999

Тел. (+7) 924-263-29-79

(с 01.00 до 15.00 по Москве)

ICQ 223-267-185

E-mail: Lm-red@mail.ru

Главный редактор

Владимир КОСТЫЛЕВ

г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ, г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Ирина БАНКРАШКОВА,
г. Хабаровск.

Эльвира КОЧЕТКОВА,
г. Владивосток.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Владимир ТЫЦКИХ,
Юрий КАБАНКОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

Газета «Литературный меридиан» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: Костылев В.А.

Соучредитель: коллектив редколлегии.

Объём издания – 4 печатных листа.
Тираж 800 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику и фактически 17 января в 17-00.
Отпечатано в ОАО «Типография № 6», г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.

ПОДПИСКА-

2010

Подписаться на ежемесячник «Литературный меридиан» можно с ЛЮБОГО месяца, отправив почтовым переводом соответствующую сумму по адресу:

**692342, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16.**

Костылеву

Владимиру Александровичу.

3 месяца — 150 рублей,

6 месяцев — 250 рублей,

1 год — 450 рублей.

При оформлении годового абонемента экономия от 50 до 150 рублей!

ВНИМАНИЕ!

Вы можете оформить подписку даже на номера, вышедшие с начала текущего года.

К подписавшимся ежемесячно просьба указывать сроки начала и окончания подписки.



кснкурс

Юлия ПОДГОРБУНСКАЯ,
г. Иркутск

ШТОРМ

Что за время?

Ни полдень, ни полночь,

Это шторм начал танец шальной,
Горизонта мерцающий обруч
Грозиво закрыл пеленой.

Шторм преграды себе не встречает,
Он идёт, своё право верша.
Только море далёкое знает,
Где рождается бури душа.

В этом слове – шипение ветра,
Шум дождя и звучание струй,
Это бури проснувшейся недра
Небу вечному шлют поцелуй.

Там, где, вторя призывному кличу,
Бьются волны, тревоги полны,
И где чайка хватает добычу
На бушующем гребне волны...

Только как ни страшит эта бездна,
Вечно тянет кого-то опять
В грозный путь –

кануть точкой безвестной,

Чтоб у края хоть миг постоять.

Как бы бури всегда ни пугали,
Где слилось всё в песню одну,
Только манят далёкие дали,
Только тянется кисть к полотну...